

18+

Никита Капернаумов

Истоки моих поступков

Книга 3

Никита Капернаумов

Истоки моих поступков. Книга 3

<https://litres.ru/74156582>

ISBN 9785007030137

Аннотация

Для тех, кого заинтересует личность автора. Реконструкция первых тринадцати лет жизни (до 2007 года). Одна из самых больших автобиографий детства — более полумиллиона слов в четырёх книгах.

Данная версия — цензурированная для интернет-магазинов.

Книга содержит нецензурную брань.

Истоки моих поступков. Книга 3

Никита Капернаумов

© Никита Капернаумов, 2026

ISBN 978-5-0070-3013-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-3004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Никита Капернаумов — Истоки моих поступков. Книга 3.

Версия от 04 апреля 2026.

*
*
*
*
*
*
*
*
*

Оглавление Книги 3

___ Часть 34.

...2002

>>> Часть 34 текст 1. Сумки,, пробирки,, истерики с подарками,,, последние мультики,, эстетика заснеженных хуторов,, на Фрунзе горки,, Форрест Гамп начало.

>>> Часть 34 текст 2. Гужвиев основное,,, театральная шуганность,,, Гужик шугается от старшеклассниц,,, коньки опять,,, тётки воспринимают пороховой бочкой,,, мама Серёжи Варанова заняла деньги.

>>> Часть 34 текст 3. Мортал Комбат при маме,,, в гости к тёте Лене с Машей,,, в зимний лес и на горки,,, Великий Дядя,,, последние//// ньпиз п Эйзкми\\\\.

>>> Часть 34 текст 4. Говногонные книжки и занятия на льве Кассиля,,, связь дофамина с дефекацией,,, аутизм на пледе,,, начало гастротемы,,, Арик//// пднюрй я снрш\\\\,,

я зазавидовал Королёву.

>>> Часть 34 текст 5. Двадцать третье февраля,, группа «Выход»,, «Мурашки» и американские хорроры,, на зимний Мостоотряд,, масленица на площади,, на выставку рептилий,, фильм Американка и пацанщина.

>>> Часть 34 текст 6. Начало влюблённости в Катю Ильину и почему на пару с Гужиком,, признание Кате в спортзале,, начало\\\\ кнвбн жмугкщпяю \\\\.

___Часть 35.

_____Мне 9 лет.

>>> Часть 35 текст 1. Кровавая кассета от Гужика,, первая компьютерная игра,, мои поздравления близких,, безответная влюблённость в Катю,, к бабе Вале там баба Лена,, тётяЛюсин Валера с фаберликом.

>>> Часть 35 текст 2. Катя оплевала,, слюни,, про мою безгливость,, неправильные словоупотребления в нашей семье,, в школьном дворе с Катей и Дубининой,, сексофобия.

>>> Часть 35 текст 3. Живой уголок в маленькой комна-

те,,, купили белку Зосю,,, фриковщина с расстёгнутой шириной.

>>> Часть 35 текст 4. Дубоносов и Слава Сталлоне,,, Слежки с Гужиком за Катей,,, Лена с Машей в гости,,, по церквям с классом.

>>> Часть 35 текст 5. Продаю тюльпаны,,, фобия кровяного давления и аорт,,, моё сочинение в классе,,, слежки,,, иголкой исправляю пометки,,, школьный журнал на память,,, назойливость Кате,,, в горпарк с классом.

____Часть 36.

_____Третий класс кончен. Лето.

>>> Часть 36 текст 1. В учёбе всё хуже и разбор причин,,, к репетитору английского,,, всё больше улицы Петровской.

>>> Часть 36 текст 2. Кенвуд,,, срамная тема и дофамин,,, Террариум Гребенщикова,,, сложная тема с идеальной музыкой.

>>> Часть 36 текст 3. Ящерицы в маленькой комнате,,, идилии и садоизм с Муркой.

>>> Часть 36 текст 4. Кельтские мелодии и пентатоника,, на «Ниве» к грибному лесу,, загон по сигаретам и первый раз покурил.

>>> Часть 36 текст 5. Детство у телевизора,, куча дофамина но некуда деть,, /// ыплрнсюмпюжж,, \\\фильмы от дядьСерёжи и поездки.

>>> Часть 36 текст 6. Чудик Саня Крылов,, с отцом и пацанами на велосипеде,, на базар,, в аллергоцентр,, похороны в подъезде.

>>> Часть 36 текст 7. Короткая детская площадка в тридцать-третьей школе,, Мурка съела ящериц,, кидаю ножик,, на Мостоотряд,, на Фрунзе с ебучим пацаном порезался.

>>> Часть 36 текст 8. Фрунзенские семейные темы,, начал читать Короля Артура,, велосипедное ДТП с дебилами,, с Аней в поликлинику,, навязался книгой Ане,, конец Ани и Алёны.

___Часть 37.

>>> Часть 37 текст 1. ///Ъонпжцвпйёг нмлэль\\,, поймал ужа домой,, как Рэмбо,, в доме зверинец,, ссора мамы с отцом и битьё посуды,, уж уполз и сдох.

>>> Часть 37 текст 2. Частые Тётка, дядя Серёжа,, Артём из детсада основное,, на пляж с Неспешными.

>>> Часть 37 текст 3. На «Ниве» на дачу,, продаю абрикосы,, дед пропадает,, пензяки на Фрунзе,, Джонни Депп и отцовские ценности и ненависть к энгельским ярморочникам.

>>> Часть 37 текст 4. Книга Призраки Ночи и вампиры,, с баб Вaley к неговорящей сестре Ане,, на даче тётка Марина и Алина,, к какой-то тёте Свете родственнице.

___ Часть 38.

>>> Часть 38 текст 1. На юг втроём с тётей Катей,, книги и взрослщина по пути,, «нктсм» — некомфортные темы с мамой и психология этого,, простота и доступность нужного мне,, на каменном пляже.

>>> Часть 38 текст 2. Вечерняя жизнь Анапы,, парк,, кафе,, журнал про//// жмпжл,, рёмэ л рвирв,, глтяйжмкую тьякрежу м ммкланж ёёёме\\\\,, но не целиком,, мелкие эпизоды юга.

>>> Часть 38 текст 3. Обратно в поезде,, анаком и опары-

ши,,, новые обои в средней комнате,,, Мурка просит кота,,, моя сексофобия и от этого мизогиния,,, Мурку на Фрунзу,,, конец ящериц.

>>> Часть 38 текст 4. В больницу один,,, пацаны дебилы и мрази,,, унижение казахом-шаманом,,, странная необходимость походить в другую школу.

___ Часть 39.

_____ Осень 2002. В пятый класс.

>>> Часть 39 текст 1. В тридцать третью на несколько дней,,, в музыкалку на гитару,,, дома с гитарой.

>>> Часть 39 текст 2. Возвращение в гимназию,,, Аркадакская Валентина Юрьевна,,, новые одноклассники,,, Илья Земсков,,, возобновляем сталкерство за Катей,,, я и музыкальные инструменты.

>>> Часть 39 текст 3. Немецкий язык и как никто не говорил на иностранном,,, погоня в горячей крови,,, встретили Гужвиных на пляже.

>>> Часть 39 текст 4. Биология и тупость учёбы,,,//// пд-зптэйыкую мжэянфгмкмпт\\\\,,, чуть не убился ножиком,,,

Бодров лавина,,, в лес за грибами и отравили белку Зосю.

>>> Часть 39 текст 5. Драка с Земсковым,,, мрак и не вижу смысла в учёбе.

___ Часть 40.

>>> Часть 40 текст 1. Ходим к бабКлаве,,, грёбаная «Юин зе амина»,,, Нагиев начало,,, деда почти нет,,, мрачняк Санкт-Петербурга,,, уроки труда.

>>> Часть 40 текст 2. Конец террариумистики,,, конец Нивы,,, мелкие события,,, сериал «Две судьбы»,,, Мурка рожаёт,,, Камастура и позор.

>>> Часть 40 текст 3. Норд-ост,,, увозим котят на Сенной,,, последние слежки за Катей,,, меня сажают к Кате и мрак,,, Марик убился,,, фэнтези картины,,, компьютер и остальные родители.

>>> Часть 40 текст 4. Масляный обогреватель,,, продолжают поликлиники,,, Чёрная Курица.

>>> Часть 40 текст 5. Чокнутый Гужик через дорогу,,, не убираюсь в комнате,,, скандал с мамой из-за игрушек,,, мама в режиме чужого человека,,, лезу в мусорку.

___ Часть 41.

>>> Часть 41 текст 1. Начало моей спортивной гимнастики и почему,, первая тренировка,, мамина депрессивность из-за отвода меня на гимнастику.

>>> Часть 41 текст 2. Стал одержим гимнастикой,, подробно поездка на тренировку,, маршруточный стресс,, описание спортзала,, занимающиеся пацаны.

>>> Часть 41 текст 3. Описания упражнений,, вольные,, перекладина,, брусья,, кольца,, конь,, дофамин тренировок и надежды на внимание девочек,, из спортшколы — на Фрунзу.

>>> Часть 41 текст 4. Начал образ побитого инвалида в школе,, начал хрустеть суставами,, анатомические фобии,, издевательства над Муркой из-за неуверенности успеха в гимнастике.

>>> Часть 41 текст 5. Мама устраивается в зал качалки в спортшколе,, Осторожно Модерн 2,, отец тоже бегают и тройная спортивная идилия,, с мамой в качалку и она бросает,, загон с зализыванием волос лаком,, желания Деду Морозу.

___ Часть 42.

...2003

>>> Часть 42 текст 1. Отец в больницу с челюстью,, мне всё больше спорта,, на Мостоотряд,, лыжи истерика,, в больницу к отцу,, купили ботинки и на Фрунзу.

>>> Часть 42 текст 2. Емельяновы в гости на Фрунзу,, дед делает лыжи,, отец сжигает рукописи,, калины-рябины с мамой,, порки и домашние задание до ночи,, львакассильщина,, отмашки.

>>> Часть 42 текст 3. Мама пробует устроить в секцию плавания,, книги по спорту и понимание своей эктоморфности,, к Лене с Машей и там Гарри Поттер,, тайные комнаты,, в поликлинику с классом.

>>> Часть 42 текст 4. Забываю про Саратов,, тянет к спортшколе и в ссср-щину,, книги по гимнастике,, дома упражнения,,//// плвосщ жэ рвир,, мжэянфгмкрпъ,, \\\\ к Кискиным.

>>> Часть 42 текст 5. Болею,, к бабВале и к тётъЛарисе и

её невротичность,,, Олег Николаевич не допустил на соревнования.

___ Часть 43.

_____ Мне 10 лет.

>>> Часть 43 текст 1. Узнал о ГТА,,,//// пдзпнсмаоияь жэазоры и нмгёрдиэл ннб оёюмёлн,,, мсвф ля потюс,,, кюцэй бмдееяпъ бм ажлкюжёж лвзк,,, неюалхдкльж рёет п ююаИг-млз,,, йэи о олвпрейлз,,, разбгк ыплрзз уёйыйщ р аэяБэйз,,, а пгяпоъ оябж огйою кю бжбэлят \\\.

>>> Часть 41 текст 2. Невозможность сблизиться с чужими людьми после суперблизких родителей,,, о том,,, как я влюблялся — как родитель,,, днём один в квартире,,, смерть в детстве и вся волокуша ассоциаций,,, фильм «Добрый сын-нок».

>>> Часть 43 текст 3. На кровати с Муркой,,, солнечные зайчики с девочками во дворе,,, с мамой в Советскую больницу и про операцию,,, ещё про Мурку.

>>> Часть 43 текст 4. Сосед в цинке.

___ Часть 44.

>>> Часть 44 текст 1. Проблемы с фляком,, супертрус Виталик и только вряд ли он как я в итоге,, взрослый парень долбанулся головой,, про разные сальто и упражнения на перекладине.

>>> Часть 44 текст 2. С мамой по дворам с турниками и спортивной постсоветщине,, в энгельсский аллергоцентр и незнакомые районы,, время надежды стать «мастером себя»,, с мамой за столом про моё психослабачество.

>>> Часть 44 текст 3. Акробатика дома в зале,, радио Максимум,, Биттер Энд.

>>> Часть 44 текст 4. Ненавидел школу и просыпаться с утра,, Арик и Гужик как компаньоны утрачивались,, загон по футболу,, в библиотеке с книгами и угнетающая зависть к гимнасткам,, бумажный мяч,, въебал мелкому ублюдку со спины,, броски мячика.

>>> Часть 44 текст 5. К Кате интерес угасает,, но привожу им ящериц,, с мамой начали смотреть квартиры,, география домов,, с классом на пикник,, матернулся в игре в футбол с отцами.

___Часть 45.

>>> Часть 45 текст 1. Песни лета 2003,, большое описание центра Энгельса,, парка,, набережной,, и около ярмарки.

>>> Часть 45 текст 2. Снова на детскую площадку в Дворец пионеров,,//// ннхйнв лвеолйнямд одюэцвпсям\\\\,, прошлое не столько помнится,, сколько ощущается,, другие девочки кроме Серебряковой — //// «пэёбнюскщд»,, \\\\на-до попасть на игровую площадку,, узнал,, что рожают не из попы.

>>> Часть 45 текст 3. С Артёмом во двор Серебряковой,, сталкинг,, загон по техэтажам,, проскользнул во двор Серебряковой один.

>>> Часть 45 текст 4. С родителями на набережную и там везде парочки и//// ннимбээ джжкь,,, ОНЗБ,,, земаню-ёэь ёлуэлсёйя,,, ядорниит рпыияфс япе оаялн жмутк,,, мж-эянфгмкщд цтпиз п бгблхйэкз \\\\.

>>> Часть 45 текст 5. Летние тренировки в спортшколе,, на батут,, ещё не обращал внимание на искусственность снарядов,, домой по Нестерова в мечтах,, Фрунзы совсем мало,, Алина уже всё,, и деда нет.

>>> Часть 45 текст 6. Столкнулся с девочкой у подъезда,, «Амели» от дядьСерёжи,, пагубное восприятие альтруизма из Амели,,//// ёя ояеапэрмлз Кюсэцдж,, Янрей мэсцёй бонфжщ,, оовобээ бонфия,, нпвёдняяпжбш,, йимцли ёё ммпк-км-дспкюкэ. \\\

>>> Часть 45 текст 7. Бесполезно ////я йлкоэлзё «нюжяоя-плът» бгблхдз,, рпояклин ннбонфжкё р Юппдллк\\,, на соревнование,, второе место,, необычное чувство приза,, Артём сломал подарок,, в десятую школу во двор сальто,, дома разревелся,, очень личная механика плача.

___ Часть 46.

>>> Часть 46 текст 1. Никита Козлов основное,, мама Козлова как Катя Лель,, Козлов со своим каратэ,, вызвали Серебрякову с Козловым,, другие девочки.

>>> Часть 46 текст 2. Тема ниндзя,,//// пнилдфльж нкю-мёёл — оояес я гвррпан\\,, Серебрякова на пляже,, изнашивание неполучающимися трюками на велосипеде,, захотел скоростной велосипед.

>>> Часть 46 текст 3. Темки с Артёмом,, домой к Артёму и его дед,, фокусы и нереализуемые наши планы,, в

спортзал десятой школы,, кефир и бодибилдерство,, загон по спортивному инвентарю и одежде.

>>> Часть 46 текст 4. У Козлова вдвоём дома//// нпёп-сэайэ з влпхйё\\\\,, Козлов у меня и забоялся отца,, стал собирать бутылки допоздна,, социально-неуклюжие ситуации до невро-зуда,, тайники бутылок,, вечерний парк и фобии ночных людей.

>>> Часть 46 текст 5. Эпизоды днём у площади,, пытаюсь прыгать на велосипеде,, о пивных бутылках,, купили мне футбольный мяч,, с мамой в футбол,, с Гужиком на пляж и ко мне домой,, мама социализируется ради меня.

___ Часть 47.

>>> Часть 47 текст 1. Дракула Брэма Стокера и мои фобии,, «Анекдоты заветные»,, бабВаля бесится на меня с мамой,, Алина на бабВалиной даче и идиллические фантазии о любовном сексе,, Серебрякова фригидная.

>>> Часть 47 текст 2. К Шмыркевичам первый раз,, элитус изнутри,, знакомство с Симой и с ГТА Вайс Сити,, начало эскапистской ГТА-мании.

>>> Часть 47 текст 3. Батут в луна-парке и позор и ком-

плексы,,, чувство,,, что я в парке один,,, мамин одноклассник Бакулин,,, загон по бобрик-причёске,,, Мурка поймала ласточку,,, кость в горле у мамы и её недоверие врачам.

>>> Часть 47 текст 4. Книжки в поисках//// пдзпя,,, п Змжимбшк фжсэгл пдзпнимвёь\\\\, театр инфантилизма перед родителями,,, с Неспешными на пляж,,, пугание Лидушки,,, порезал ногу,,, дома рвота и кара,,, все переходят на компьютеры,,, а мама не может.

>>> Часть 47 текст 5. ДядьВалера ошивается на Фрунзе,,, к маминой знакомой в соседнем подъезде,,, бутылочничество на велосипеде теперь всегда,,, трюкачу бестолку как проклятый,,, сексофобящая тьма парка.

>>> Часть 47 текст 6. У Козлова кассеты,,,// ияопдпю о ьнмсёинж з ннлттми,,, кнг аённиэпкмд мскмчвлзв й пдзпт\\, часто с Валерой и ещё на турбазу на остров с ним и тётью Катей.

>>> Часть 47 текст 7. Фляковая депрессия,,, чемпионат мира по гимнастике и о гимнастках,,, на стадион,,, весь спортсмен,,, на спортплощадку во двор тридцать третьей,,, день города на площади.

___Часть 48.

>>> Часть 48 текст 1. Первый урок и девочки о членах,, смотрим квартиру и отцовские фобии,, вдвоём с мамой и львакассильщиной,, начало чаёв и анакомов,, кассеты напрокат,, инфантильное мотание письюкой,, фильм Брат.

>>> Часть 48 текст 2. На гимнастику с утра,, в автобусе в гимназию и \\\бонфиз\\\ стрессом,, собираю деньги,, в Дом книги,, Мурашки и инцидент.

>>> Часть 48 текст 3. Мурку к ветеринару,, одинокая баб-Клава на Фрунзе,, авария с пожарками на мосту,, музыка и хиты осени 2003,, эМ Ти Ви,, начало ДиВиДи.

>>> Часть 48 текст 4. Сальто назад,, соседка снизу и тема «чужие люди»,, Алик и некрофобия,, жена Валеры Марина с любовником на ночлег.

>>> Часть 48 текст 5. У телевизора дома,, передача про девочку эромодель,, «фактор страха» — уже через чур,, в классе депрессивно,, уже аутсайдер,, смешу Королёва,, чокнутая Таня Петровская,, дед на Фрунзе и фильм Изгой.

>>> Часть 49 текст 1. В гости к тётё Марине,, Лёня,, иг-
ра Симс,, Убить Билла,, Гладиатор,, сухие декабри с того
года,, мама наорала и онемела,, соседка Наташа,, отец за-
ступился.

>>> Часть 49 текст 2. Подолгу вечером жду маму,, Да-
ры волхвов,, купили ГТА Вайс Сити модерн мод,, аттрак-
цион отцовства Бакулину,, Артём про//// вдяпсягмкрп\\
\\,, провожаловка через площадь и строящуюся горку,, в от-
крывшуюся Пятёрочку,, Рамштайн в какой-то квартире.

>>> Часть 49 текст 3. Последние дни энгельсской спорт-
школы,, слежка за Славой,, в Дворец спорта на областные
соревнования,, ад зависти,, сильная депрессия,, я не могу
дышать,, устройство на гимнастику в Саратов.

>>> Часть 49 текст 4. Будто начало новой жизни,, первая
поездка в шесть утра.

>>> Часть 49 текст 5. Хожу собираю деньги на ярмарке,,
описание ярмарки и рядов,, ярморочная музыка и желание
зарубежного,, как бомжонок,, пока другие у ГТА.

____Часть 50.

>>> Часть 50 текст 1. Подарки все про отчаяние,,, отчаянное поведение,,, пропал клочок с пёздами,,, праздничные тренировки в раздевалке,,, срач от нервяка перед тренировкой.

>>> Часть 50 текст 2. Пацаны на саратовской гимнастике,,, замороченная зависть к новичку Коровину,,, Мефистофель из высшего эшелона.

>>> Часть 50 текст 3. Издевательства над Муркой,,, один дома,,, эМ Ти Ви,,, Эванесенс начало,,, с Леной и Машей на Мостоотряд иллюзия интересностей,,, дни игра на старом компьютере,,, своё тело интересно всё меньше.

>>> Часть 50 текст 4. Просмотры квартир в Саратове,,, к бабВале,,, гастроскопия и//// ягок сгсёц\\\\,, но перед сном о любви всё также.

>>> Часть 50 текст 5. Депрессия,,, игрушка Форрест,,, перехожу в тридцать-третью школу в Энгельсе,,, ученики,,, Ди-ма Фёдоров основное,,, ГТА-мания.

>>> Часть 50 текст 6. Неуспехи и невроты с гимнастикой,,,

ещё о пацанах в спортзале,, в Заводской,, «Соло на клавиатуре»,, в гости к Фёдорову,, дни пурги и горки с дамбы,, лямблии.

>>> Часть 50 текст 7. К отцу,, Солдаты фортуны,, игры — это было про покой,, а не про счастье,, купил кассету Эванесенс.

___ Часть 51.

_____ Мне 11 лет.

>>> Часть 51 текст 1. Фёдоров доломал комп,, восьмое марта в школе,, комп игры тех времён,, нктсм с мамой,, купили комп в «Президент Агентстве»,, первый день ГТА и эскапизма.

>>> Часть 51 текст 2. Майами Вайс Сити,, сдаём компьютер обратно,, позднее возвращение с тренировки и конец троллейбуса 9,, скитание по Энгельсу и Серебрякова в спортзале,, умер Ганс.

>>> Часть 51 текст 3. Мама аборт,, одноклассники список,, Ярик и сигареты,, пробую курить,, весеннее дофаминовое отчаяние,, фобии упражнений гимнастики,, курение с Фёдоровым,, с Артёмом в парке видели бездомных.

>>> Часть 51 текст 4. Массаж в поликлинике,,/// тдпжчѐ\\
\\,, физкультура в поликлинике,, инфантилизм Тимоном и
Пумбой,, семейные шутки в идиллии с мамой,, эскапизм
ГТА и о музыке радиостанций.

>>> Часть 51 текст 5. Подготовка к областным соревно-
ваниям,, балаковка до ада,, с Олегом Николаевичем в авто-
бусе,, соревнования и мой позор.

>>> Часть 51 текст 6. Сальто вперёд на пляже,, майские
праздники,, на турники,, столярные уроки труда,, Гекель-
берри Финн и побеги,, загон по книгам и на пляже конец.

>>> Часть 51 текст 7. Прыжки на велосипеде и отчаяние,,
предисловие к близняшкам.

___ Часть 52.

_____ Шестой класс кончен. Лето.

>>> Часть 52 текст 1. Последнее лето с социализацией,,
на детской площадке неофициально,, начало О-Кэ-эРа по
мелочи,, на гимнастику с утра,, с конопатым Лёшей до Мос-
ковской,, резь в письке и бредятина про бога.

>>> Часть 52 текст 2. Мысли о заработках,, рыбалка,, купания,, дед приехал и разговорился,, бродяжничество с Артёмом,, Фёдоров на машинках,, малолетняя мразь отжала 5 рублей,, коплю деньги.

>>> Часть 52 текст 3. Ненавистный Энгельс,, аутсайдер внутри толпы,, парковый департамент моего фриковского поведения и причины антисоциальных истерик,, устроился разносчиком газет,, Бурмистров,, на пляж с газетами,, маму взяли с автоматами.

>>> Часть 52 текст 4. Отец в галерее и диски,, Келли Фэмили,, желание вернуться в ГТА,, на пляж с детской площадкой и самобичевательский порыв.

>>> Часть 52 текст 5. Второй раз на пляж,, покрасил волосы в чёрный и позор,, розовая девочка Ксюша,,/// Юппдл сбёвди оёпызс,, з э я рвирлтнүпйлк ё зкфдиързмл югр\\\\,, конец детской площадки и пляжа в моей истории.

>>> Часть 52 текст 6. С гимнастами на Мостоотряд,, бабка бутылочница,, сарай для бутылок,, курим «Капитан Блэк» с Артёмом и другим пацаном,, нищенство с Артёмом,, Пентиум 4,, Рамштайн дж-дж-дж,, чувство аутсайдерства.

>>> Часть 52 текст 7. У Козлова появился компьютер,, с

Козловым в парк,,, с Оводами на остров на турбазу,,, низкая планка моих родителей,,, Артёмовское место дамбы,,, утопленник,,, с дедом на лодке на остров,,, сру в воде.

___ Часть 53.

>>> Часть 53 текст 1. Крыса на бутылках и закругляюсь,,, загон по тайникам,,, ищем квартиру в Саратове,,, отец и его фобии ментов и маргинальщины.

>>> Часть 53 текст 2. Возобновление тренировок,,, первый и последний день фляка,,, возвращения по Рахова и Болдырев.

>>> Часть 53 текст 3. К Шмыркевичам второй и третий,,, последний,,, раз.

>>> Часть 53 текст 4. Энгельсовщина и Томми-Версеттивщина,,, игровой автомат на ярмарке и драка с ярмарочным казахом.

>>> Часть 53 текст 5. Мама-соперник,,, Артём-запугиватель,,, последняя стычка с казахом,,, конец бутылочничества.

>>> Часть 53 текст 6. Дофаминовый конец лета,,, покуп-

ка конуры на Радищева,,, прайс-лист-загон и компьютерные
железки тех времён,,, отец-музейщик.

>>> Часть 53 текст 7. В Ударник с Артёмами,,, отец при-
ехал,,, тема «университет — лучшие годы в жизни».

— — — — —
— — — — —

*
*
*
*
*
*
*
*
*

∴
___ Часть 34.

∴∴
...2002

∴∴∴

>>> Часть 34 текст 1. Сумки,, пробирки,, истерики с подарками,, последние мультики,, эстетика заснеженных хуторов,, на Фрунзе горки,, Форрест Гамп начало.

.....

Сумка была не совсем то, что я хотел. Да, она была длинная, вроде бы всё правильно. Фирма Рибок, чёрно-синяя. Но она в пустом состоянии не держала форму: если брать её за поперечный ремень — провисала. У Наташи на Фрунзе она была с продольными карманами, и я видел, что за счёт них, их змеек и швов она будет держать форму даже будучи пустой. Мне важна была прочная горизонтальность. Но я всё равно был рад и носился с ней все праздники, залезал в неё сам, ставил её возле кровати на ночь и складывал туда то одно, то другое.

А внутри сумки была медицинская тема.

Из того, что я помню, вместе с очередными пробирками, во-первых, там в коробке были лабораторные весы с грузиками. Это которые балансируют, как коромысло: в один котелок кладёшь то, что надо взвесить, а в другой — пинцетиком — накладываешь грузики, и так, пока не придёт в равновесие. А во-вторых, там был набор капельницы. «Система для инфузий» это называется. Ну это вообще. С какими-то прям большими иглами и с колёсиком, чтобы пережимать этот пластиковый шланг. Родители, видимо, поняли, что я всё равно не найду, как это применять, и я смакую лишь на-

личие атрибута, поэтому не побоялись мне задарить такую хрень. Я всё это унёс к себе в комнату, и, пока был новогодний вечер, задумал изготовить сигарету. Я сигареты в руках никогда не держал и только примерно представлял механизм. Я взял какой-то колпачок, что-то туда натолкал, со стороны рта натолкал поролон и поджёг с другого конца. Я даже сделал одну затяжку и выдул изо рта дым. Но оно сразу потухло и завоняло — и на этом был конец поделкам и, в общем-то, всей лабораторной темы. Там мне потом ещё только кто-то подкинул слушалку (которой терапевты слушают в поликлинике), а ещё на Фрунзе, когда потом туда пошли, от мамы отдельно была большая дорогая энциклопедия по химии, в которой я, конечно, ничего не понял, и было жалко мамин кошелёк. Дед её сидел листал. У дедов для меня ещё был нож для рубления зарослей в джунглях — по моему запросу. Это был ржавеющий, огромный нож для рубления мяса, скорее всего.

Записка Деду Морозу:

— — — -начало вставки — — — —

Дорогой Дед Мороз!!

Скажи мне пожалуйста: зачем мне нужны эти шнуры и иглы? Ими не мудрено проткнуть руку! И особенно зачем мне нужно так много вот этих красных и белых галушек с

какимито непонятными прищепочками? Напиши мне ответ прямо тут.

А пробирки и тарелочка мне очень понравились.

— — — -конец вставки — — — —

И сохранилась ещё одна записка (их, видимо, мама сохранила), по формулировке подразумевающая наличие какой-то предшествующей. По сравнению с запиской, которую я выписал выше, подчерк отличается в худшую сторону, и есть совсем грубая детская ошибка, а главное, если речь идёт про иглы и прищепочки, то странно — ведь я и не думал, что предлагается теми иглами пользоваться, там я явно воспринял подарок глупым, скорее приколом, а не подарком. А тут я спрашиваю, как этим «барахлом» пользоваться. Тем не менее я не смог вспомнить никакого подарка в других Новых годах, соответствующего логике этой записки, ну а небрежность правописания и логическую странность можно списать на градус истерики, чувствующийся за автором. Так что я решил вставить в этом году.

— — — -начало вставки — — — —

И вообще я разорвал это твоё брахло потому, что ты даже не написал как им пользоваться. И быстро подари место этого брахла, чтонибудь другое!

— — — -конец вставки — — — —

Я это написал ещё и на клочке бумаги, явно отодранного в психе от какого-то листа под рукой.

Это вот то, что касается моих вечных истерик и рваньё подарков, о чём я когда-то говорил отдельно. Дальше точно будут ещё случаи.

Но вернёмся к Новому году.

В новогодний вечер я ещё инвентаризировал книги, которых у меня накопилось немало, и у меня с более раннего детства была печать с изображением змеи, и я сел и на всех предтитульных страницах своих книг проставил эту печать. Я так же поставил печать на «Коллекционере».

На утро уже почти выросшей Мурке мы сделали подарок — пару вобл — сушёных рыб — специально для неё. Мы так же разыграли для неё сюрприз. Пока она отходила, мы куда-то подвесили их, и, когда она вернулась, она унюхала, и ей было необычно — в отличие от нормы, мы не преграждали ей путь к ним и позволили стянуть. Я её ещё поощряюще гладил. А дальше эту воблу обчистили и скормили ей, в кой веки — прям икру и мясо.

От отца мне была кассета с мультиком «Годзилла». Ока-

зывается, был такой мультсериал. На кассете было несколько его серий. Годзилла была американская, и там были все знакомые персонажи из фильма. Мы втроём сидели в зале за журнальным столиком, родители о чём-то говорили, а я смотрел. Для меня это было уже больше прощанием. Было понятно, что это уже последний детский Новый год с мультиками.

Эта кассета, кстати, была записана с кабельного телевидения, потому что там был значок «Фокс кидс» — такой канал был у тёти Ларисы. Хотя и тоже запоздало, но меня очень дофаминило от этого канала, от этого словосочетания «Фокс кидс». Прямо сразу — детство, сразу — тётя Лариса, праздники.

Ещё была очередная, третья книжка из серии про Дядю Фёдора. Наверное, это было от отца или даже бабВали, потому что грядущим летом, когда я её читал, мама скажет, что хватит уже этот детсад читать.

Я не рассказывал, но после поездки в деревню и под действием рекламы украино-российского мюзикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», во мне накануне Нового года сформировалась эстетика «деревенского Нового года». Должна была быть полночь, должны были быть избушки, утопающие в сугробах, должен был быть какой-то проказник-чёрт, какая-то горилка, какие-то люди, выбегающие из бани и пры-

гающие в сугробы... А в избушках везде горят окна, внутри — всякая кутерьма, и всё в таком духе... После Нового года эта эстетика во мне угаснет.

Я называю такие ряды ассоциаций «эстетиками», потому что просто не знаю, как ещё назвать. Может быть, правильнее говорить «ассоциативный ряд». Но просто все ассоциации и вещи из такого ассоциативного ряда всегда как бы складывались у меня в голове в одну художественную картину. Каждый такой ассоциативный ряд можно было бы нарисовать или наделить каким-то сюжетом и визуализировать в действии, как я сейчас визуализировал последнюю.

Наверное, была поездка к Ларисе и двухлетней Ане. Наверное, был поход на какое-то мероприятие, как я уже говорил. Может быть, в Театр оперетты в Энгельсе опять. Дело в том, что, ввиду того что мама же уже развелась с отцом, мне стала положена «детская социальная помощь», которая регулировалась в том учреждении, называющемся «Семья», куда мама теперь периодически заходила. Вот там выдавались бесплатные направления на какие-то такие детские вещи.

На Фрунзе — снова горки. Я уже не ездил на санках, я теперь почти всегда на какой-то подложке под жопу, или изобретал какую-то доску и пытался на ней — на ногах.

Ани и Алёны было уже мало. В основном мы катались с Алиной вниз, к дому той ворчливой бабки с фамилией Ильи-

на. Вида на Саратов с Фрунзы тоже становилось всё меньше и меньше — на пересечении Персидского и Московской строили десятиэтажный жилой дом, как и на набережной, где колесо обозрения — там строились несколько, так называемых, «свечек». Всё уходило в прошлое. Дед, вроде как, с зимним снаряжением уходил на рыбалку на льду. Но он был не любитель зимней, и это вот только один раз за жизнь помню.

С Алиной в какие-то моменты мы больше уже не столько катались, сколько, скатившись до дома той бабки, залезали там на два пня от спиленных деревьев и о чём-то болтали. Один раз к нам туда снова пришёл тот пацан Серёжа. И я не помню как, но я снова с ним подрался. Помню только, что он меня снова завалил и нависал сверху, близко. Непривычное ощущение — лицо чужого человека очень близко к твоему лицу. Я тогда не расплакался, и он ушёл. Перед одной Алиной я не чувствовал стыда — она была лишь получеловек, а следовательно, и полудевочка. А всё же ради девочек.

А того Серёжу я больше никогда в жизни не видел.

Ближе к концу Фрунзенских дней был вечер, я стоял с Аней на верху, возле колодца у нашего дома, и был салют над центром города. Мы говорили на тему подарков под ёлкой и веры в Деда Мороза, которой у меня уже почти не было, и она, на три года меня старше, стала подтверждать, что это всё — кто-нибудь из близких, когда мы уходим из дома.

На тех праздниках на Льве Кассиля по какому-то каналу показали «Форрест Гампа». Мы втроём все смотрели. Он вдруг стал моим любимым фильмом.

Маму сместила сцена, когда Форрест сидел на качелях, пока из спальни в доме доносились кряхтящие крики. Я не понимал, что там такое происходит.

А в самые последние дни, когда был Старый Новый год, под ёлкой появился последний пакет с подарками, и там был диснеевский фильм «Динозавр». Мне было непонятно, как его так сняли. В то время появлялся какой-то «Шрек», который меня не интересовал, и другие первые фильмы на трёхмерной анимации, но они все были примитивно сделанные, сама графика — явно компьютерная. А «Динозавр» был какой-то невероятный, и даже двадцать лет спустя я не знаю ничего настолько реалистично выглядящего.

Что «Форрест Гамп», что «Динозавр» включали тему романтической влюблённости.

....

>>> Часть 34 текст 2. Гужвиев основное,, театральная шуганность,, Гужик пугается от старшеклассниц,, коньки опять,, тётки воспринимают пороховой бочкой,, мама Се-

рёжи Варанова заняла деньги.

.....

Со второй половины учебного года мы с Гужиком стали обособливаться от остальных пацанов.

Гужик — это тот скромный пацан на детской кассете в классе у доски, который стоит рядом с мелким Макаровым, смотрящим в камеру. Пока я лишь знал просто его и то, что он ходил с бабушкой и жил где-то у площади, что ему до гимназии пять минут на троллейбусе. Таким, как на кассете, он был при учителях и на людях, но, когда мы были вдвоём, он, как я уже говорил, «разгонялся». Догонялки у нас начинались с того, что кто-то касался рукой до другого и произносил: «Ты — вада», что означало «ты водишь» — и уносился прочь, а тот, кого коснулись, — должен был догонять. Там постоянно были столпотворения на лестницах и в коридоре, и нужно было пробираться через людей и не упускать убегающего из виду. И много было разных закутков, где спрятаться, или вариантов улизнуть на какой-то этаж, когда мы были на первой лестнице. Правда, там был тупик, и, если догоняющий заметит, что ты улизнул туда, то почти точно он тебя там коснётся — и теперь ты должен будешь его догонять. Я не помню никаких столкновений или своих падений. Но я помню, хоть и не конкретные, но тенденцию к особым театральным падениям у Гужвиева. И тут нужно остановиться на его личности, потому что со временем я такие его манеры

перенял, они мне подошли, и они стали частью меня.

Его мама была еврейка, моложе моей и тоже красивая, по профессии врач. Она была самая обычная спокойная женщина, хотя никто не знает, что там было дома. Бабушка была по отцу, тоже спокойная и правильная, казалась какой-нибудь бывшей учительницей. Отец, помоложе моего, был слегка казах — так, мне помнится, мне говорила мама. Ну, это когда мы уже друг друга все знали. Сам я ни в Гужвие, ни в его отце не видел вообще ничего казахского или азиатского. Скорее всего, мама говорила не «казах», а «татарин», а я почему-то решил, что это значит казах. Он тоже был весёлый и добродушный, как мой. Он был каким-то мелким предпринимателем, судя по всему. Гужик ходил в музыкалку на балалайку и носил элементы несовременной одежды, типа той кепки, как я уже рассказывал. Машины у них не было. Все вчетвером они жили в доме на Киселёва четырнадцать, в коммуналке. То есть, они, получается, были сильно беднее, чем моя семья. Всё это я узнаю потом, и это — в общем-то, всё, что я о нём узнаю вообще.

Ну, а насчёт его личности и манер... Ну, вот они, как бы, и вытекали из всех тех фактов. Он был порядочным, скромным, но при этом живым, способным к смеху и юмору. Он мог заговорить с чужим человеком, даже взрослым, на равных. Но при этом большую часть времени он как-то жался,

морщился и тяжело дышал. Его манеры при мне, в классе или когда я его видел издалека на улице, были вечно про какое-то изнурение. Но не чем-то конкретным, а как будто просто всем. Ему было «тяжело жить». Но это была не усталость, а какой-то невроз. Ходил, держась руками за лямки рюкзака. А внезапно, как я говорил, он мог коснуться меня со словами «ты — вада» — и унести по коридору. И вот часто, когда мы так бегали, если его занесёт или он упадёт, он вёл себя слишком театрально, как терпила. Слишком низко упадёт, слишком распластается по полу. Как будто играл клоуна. А потом встанет — и даже никак не постарается отыграться, нисколько не станет агрессивнее, как, вроде бы, подразумевает мальчишеская логика при позоре — как было у меня, завистника и вечного закомплексованного соревновальщика. Ну, то есть, вообще не как какой-нибудь Эльчин, который, впрочем, даже никогда бы и не упал, потому что даже и не стал бы играть в догонялки — он и так был лидер. Ерокин тоже не играл ни в какие догонялки. Мы с Гужви-ем к тому времени становились троечниками, сидели уже на средних партах: я — в ряду у окна, а он — в противоположном, через средний ряд. Ещё, когда у нас в каких-то играх были моменты, чтоб мы замахивались друг на друга, он сразу чрезмерно шурился, как будто его сейчас ударят. То есть, какой-то реактивный рефлекс на замахивание. Говорил он натуженными интонациями, как будто у него что-то болело. И мимика соответствующая. Он был похож на меня на моих

взрослых видео, где я в обычных своих разговорах с камерой вечно морщился и кряхтел в муках. Потому что это именно от него я всё это, годом позже описываемого времени, перенял на всю жизнь, как и его театральные падения (они у меня будут через пару лет после описываемого времени).

У него были сильно приросшие мочки у ушей, серые глаза, нависшие веки. Он был чуть ниже меня ростом, но толстокостнее. Ногти у него были глубоко подстриженные, а точнее, мякоть выпирала вперёд — такое строение.

В то время у него на переменах была какая-то странная тема с парой взрослых старшеклассниц, особенно, с одной из них. Светловолосая, может, даже крашеная. Они были прям десятый—одиннадцатый класс и воспринимались взрослыми. Он, короче, от них убегал. Как видит их в коридоре — сразу убегает, а они его ещё шугают и веселятся. Я не знал и не узнал предыстории, но я подключился к его убеганию — и с каких-то пор даже без Гужика, завидев ту девушку в коридоре, шугался и давал дёру. А она желанно реагировала — делала вид, что будет догонять. Если бы поймала — было бы вообще счастье. Не знаю, поддался ли из таких же мотивов Гужик или реально пронеуклюжил, но в конце концов она его всё-таки поймала. Схватила подмышки и покрутила вокруг себя. Мы же весили не больше тридцати килограмм. Ну и после этой кульминации наш страх перед ними поутих, и тема сошла на нет.

Был день, что нас с классом водили в главный саратовский Театр оперы и балета на площади на какой-то спектакль. Но почему-то я помню себя в этом эпизоде каким-то одиноким. Как будто товарищества с Гужиком ещё не было, но и никаких слежек за Ермаковой тоже не было, что говорит против подозрения, чтоб это было во втором классе — потому что во втором классе я бы только и следил за Ермаковой. Наверное, всё-таки в этом, третьем классе, а Гужвий, может, просто не ходил. Я не помню ничего, кроме больших коридоров и каких-то лестниц. Это, кажется, единственный раз, когда я был в том театре.

А ещё был день — я его не помню, это мама рассказывает — что я брал в гимназию и после уроков пытался кататься во дворе на тех коньках, эпизод с которыми был до моего первого класса, когда я единожды вышел во двор дома на тот лёд у нас под тополями, и надо мной там в итоге поиздевались пацаны-хоккеисты старше. При этом, по воспоминаниям мамы, тот эпизод (и, соответственно, ему предшествующий) как раз только вот сейчас, в третьем классе, и произошёл, потому что она говорит, что ещё включала фары нашей «Нивы», чтобы посветить мне во дворе. Но я не помню свечения фарами в день того конфликта, и предшествующее выпровождение мамой меня погулять помнится очень ранне-детским, и я настаиваю, что тот эпизод был именно тогда, а теперь, значит, я просто вырос до этих коньков, и мы их

снова достали. И к умению кататься я так и не приблизился.

Один раз, после очередного родительского собрания, которые в гимназии были постоянно, я остался в классе втроем с мамой и Светланой Геннадьевной. Она прям специально маму задержала. Я боялся, она что-нибудь ей расскажет, хотя ничего и не было, кроме того, что я без конца гонялся с Гужвием и всё больше скатывался в тройки. Но всё прошло нормально — обычно побеседовали, а в конце Светлана Геннадьевна ещё слегка потрепала меня по волосам.

Тем не менее ещё другая вещь продолжала создавать напряжение, и особенно в этот момент. Очень вот так аккуратно все эти учителя и врачихи со мной обращались. Одна психологша, увлекающаяся маньяками, которая, пока я пишу эту биографию, читала предыдущие куски и видела фрагменты из детской кассеты, писала, что во мне в детстве было видно маньяка. «Глаза с поволокой», — говорит. Маньяком я не стал, но всегда, и конечно уже тогда, был тем, кто может разово рвануть, как пороховая бочка. И вот в детстве я подсознательно понимал, что все те тётки это чувствовали. Потому и были со мной вот такими осторожными. Никто меня из них даже не отчитывал за никогда, как отчитывали каких-то других пацанов. И вот это притворство, эта холодная война и создавала всегда то неприятное напряжение, особенно вот в таких ситуациях с дружелюбными жестами от тех тёток в мою сторону.

В какой-то вечер у нас в прихожей на Льве Кассиля появилась мама Серёжи Варанова — одноклассника из первого класса, единственного, кроме Динары, кого я оттуда помню. «Варанов», напомню, — это, скорее всего, мною придуманная фамилия. Его мама была высокая, с короткими светлыми волосами. Возможно, она пришла с ним, потому что у меня есть воспоминание, что он был у нас дома. Он был блондинисто-рыжим и пухлым, и ассоциировался у меня тогда с Гарфилдом — котом из «Классного журнала». Ну а предмет их визита был в том, что его мама хотела занять у нас денег. И моя мама дала. Я помню, что это было десять тысяч. Это как сейчас — раз в пять больше. Она приходила не раз, потом заняла ещё. И вот, я не помню в какой из визитов, там мама с ней составила расписку. В общем, расписка была, но, видимо, не на всю сумму, потому что это выльется в долгую историю на несколько лет, с выбиванием наших денег нашими силами. И эта история будет связана с моими основными сюжетными линиями.

....

>>> Часть 34 текст 3. Мортал Комбат при маме,, в гости

к тётё Лене с Машей,, в зимний лес и на горки,, Великий Дядя,, последние//// нъпиз п Эйзкми\\\\.

.....

В то время мама продолжала, в основном по телефону, общаться с тётёй Леной, которая работала ранее в магазине отца, а в описываемое время уже работала ночным сторожем в тридцать третьей школе. Там она надолго и основательно останется. Мы к ней ходили туда поздно вечером. Там была зловещая тьма и безлюдность в длинных коридорах, я там по ним носился, и ещё я оттуда дёрнул росток хлорофитума. У неё там был телефон, и поэтому и происходили многочасовые созвоны её с моей мамой поздними вечерами.

Один раз вечером мама сидела, болтала с ней по телефону в зале. А я, учитывая, что ей будет не до того, что я смотрю, оборзел и запустил видеокассету «Мортал Комбат». Кассета уже почти два года как была у меня, и мама Саши Емельянова за ней не приходила — я уже думал, что она так и останется мне. С Емельяновыми мы и не контактировали уже давно. Ну и вот, я смотрел ту серию, где сначала драка на базаре, а потом — проститутки. И там была сцена, где Сиро вернулся к ним разгневанным, и он схватил и толкнул на кровать ту азиатку, обозвав её «шлюха». Может, даже «порочная шлюха». Не помню, как было в той озвучке. И мама, часто общавшаяся с Леной просто о том, что происходило возле них

во время разговора, услышала это из телевизора и пожаловалась ей, что вот, мол, что я тут смотрю. Только я это уже два года как смотрел — и не только смотрел.

У Лены была дочь Маша, на год или два старше меня, толстокостная, блондинка. Я так и не смогу никогда запомнить её лицо, несмотря на многократные наши дальнейшие встречи. А Лену я знал в лицо уже нормально. Она была добрая веселушка, но, как бы, простушка и эмоциональная бабёнка. Она могла бы, например, обидеться, или пойти к гадалке, или спиться — из таких, в общем. Отца там у них не было.

Мы с мамой были у них в гостях уже один раз, но я не стал его упоминать, потому что почти ничего не помню, кроме того, что это были осенние или весенние дни, и у меня был кратковременный загон по душистым палочкам. Это которые источают благовония, если их поджечь — они продавались в магазинах с товарами по эзотерической тематике и нью-эйджу.

Ну а теперь — про первый и основной на памяти зимний поход к ним в гости.

Их частный дом, как я ранее говорил, был чёрт-те где. Ориентировочно — улица Некрасова, дом тридцать семь. Это по улице Маяковской на маршрутке прочь от центра города. Царство домов частного сектора: ворота, калитки, лающие псы, деревянные гнилые дома без удобств, огороды,

отсутствия асфальта, ну и прочее. В принципе, как Фрунзе, только без какого-либо вида на Саратов, и от того — уныло. Их дом, в добавок, как это часто бывало, был один на две семьи, каждой по половине. К ним во двор заходишь — и там к тебе сразу подлетал огромный пёс по кличке Джеко. У него не было видно никаких глаз, он был просто мохнатой кучей грязной шерсти — жил во дворе. Сразу возле входа в дом стояла какая-то приспособа, в духе колонки с водой, только не из центрального водопровода, а из какой-то скважины. Дальше был огород, и в конце — деревянный сортир, который я воображал в песне «Чёрная тьма дыры», хоть и червей брал из воспоминаний сортира в Анапе.

В дом заходишь — сначала в сени с сотней ледяных башмаков на полу, а потом — в сам дом, — и там сразу характерная вонь, которая была во всех старых частных домах, где я бывал, кроме нашего на Фрунзе. Как будто какие-то жареные овощи пропитали всё, что аж сладко. Но, всё же, это был запах жизни, а не гниения, и к нему привыкалось.

Внутри было несколько комнат. На кухне был деревенский умывальник — тот, в котором надо вверх нажимать свисающий писюлёк, и тогда польётся вода из резервуара, который надо постоянно пополнять. Там везде были вёдра, а выливали они, видимо, прям на улицу, за воротами.

Всё было заполнено вещами. В одной комнате были какие-то клетки, то ли с попугаями, то ли с крысами. Дальше — комнатка Маши, маленькая, как чулан, а дальше направо

— зал. Тут были посиделки.

Но в этот, запомнившийся мне день, мы сразу собрались и вчетвером пошли в лес и на горки. Это дальше до конца по улице Некрасова, на которой был их дом. Я совсем не понимал, где мы находимся, только через несколько лет сориентируюсь. Весь лес Мостоотряда был окружён рекой как рвом — и вот мы шли к той реке. Когда мы дошли, на другой стороне был тёмный лес. Только в том месте — там две реки параллельно, и поэтому два раза подряд одинаковый пейзаж, и вот мы вышли пока на первую.

Тут был зимний Скайрим, но больше тут была Финляндия. Поздний январь. Было уже в районе трёх-четырёх часов дня, и скоро начнёт темнеть. Мы были на берегу, сзади — частный сектор, а по сторонам — заснеженная замёрзшая речка с торчащими камышами, и всё это напоминало поле. Мы пошли по реке к лесу.

Я, наверное, первый раз был в зимнем лесу, и тут всё было точно, как на картинах зимнего леса в календарях. За исключением птиц — каких-то ворон, наверное, которые суетились в верхушках деревьев — тут началась супертишина. Лена с Машей вели нас всё дальше.

Ну и вот, оказалось, это был мини-лес, потому что вскоре снова появились дома. И тут они теперь были — элитные

коттеджи. На всех были какие-то видеокамеры, спутниковые тарелки. Мы шли между них — и я не мог выбрать, в каком бы я хотел жить, потому что они все были хороши. Ну и, пройдя этот небольшой посёлок элитусов, мы вышли к берегу уже главной реки, окаймляющей лес. Прошлая была не река, а какое-то заболоченное ответвление. А тут теперь был крутой склон вниз, и мы все несколько раз скатились. Внизу, по заснеженной глади, какой-то мужик — очевидно, из этих элитусов — проносился на снегоходе, оставляя за собой пургу.

Поскатывавшись тут, мы всё-таки перешли речку, поднялись в лес — и вот там, где мы уже не злились ротвейлеров богачей, мы и скатывались на речку, пока не начало темнеть.

Обратно, в первом мини-лесу, было уже темно, и всё это была особенная атмосфера, но уютная, потому что со всех сторон были жилые дома.

В рассказах Лены и Маши постоянно фигурировал некий их дядя. Позже мы с мамой назовём его — Великий дядя. По рассказам, он был продвинутый, он им давал кассеты с новыми фильмами и разные советы. Чтоб сразу понимать — хоть я его только парой лет позже увижу — этот дядя был в районе тридцати лет, у него был какой-то пистолет на поясе, а дома, по рассказам, — огромный плазменный телевизор. Он был в курсе всех новинок. И ещё он был холостой и искал идеальную пассию — эта линия была, наверное, основной,

чем он увлекал наших мам.

В праздники и выходные второй половины зимы были горки и снежные развлечения и на Фрунзе. Ани и Алёны совсем не было. А потом мы с Алиной пошли по нижней части Фрунзы на Персидскую, где на другой стороне Персидской там давно лежал перевёрнутый ржавый катер. Мы залезли внутрь. Там ещё была какая-то тема с подснежниками — уже не помню что. Были солнечные морозные дни, со снегом, покрытым хрустящей корочкой.//// Амррпё йэрдню йщ оляню ммонмалаяиж ммзаояпъ я ошрйё. Эйзкг кюгл ашйн ояопсвбмрры пблъ хсар з ажърыоэ нсйэкз ёя иязжд-рн едиг-жзж кюбвофр, юсгпм моззмбэля ля фдмж. Э ммонмалаяи швинплющ, км лля пмлая лд аьбгпджбэйя ж ящблаяфжбэй-яоь. Лтдлн яьим сжйожплаяпъ нсйё ол-мэпслэшвкт. Мл мв ррегвлн — ърн яьию ммриггкёю ннмщсзю ёбп а мщсзж о Яижмлз \\\.

Дома на Льве Кассиля... что там ещё было... Это были месяцы увлечения вампирами. Я ещё раз выпросил посидеть посмотреть фильм ужасов после полуночи. Там был какой-то очень вампирский фильм. Он был почти чёрно-белый. Там всё было в каком-то замке, были гробы, кресты, белые лица вампирш... Какая-то сцена, где укушенную вампиром ба-

бу похоронили, и на её могилу ночью пришла старуха вампирша и кряхтела ей под землю инструкцию, как вылезти: «Ты должна толкать вверх...». Я потом эту сцену рассказывал маме.

Я всё поливал и поливал свои монстры, и всё ещё мечтал о игуане... Последний раз рептилий я видел, кажется, в Саратове прошлой осенью — в кинотеатре «Победа» у цирка — туда приезжала выставка...

.....

>>> Часть 34 текст 4. Говногонные книжки и занятия на льве Кассиля,, связь дофамина с дефекацией,, аутизм на пледе,, начало гастротемы,, Арик//// пдньюмрй я снсрш\\\\,, я зазавидовал Королёву.

.....

Отец откуда-то притаскивал и сортировал кучу книжек, но в основном всякое советское старьё, всякий отстой. Он копил эти книжки как макулатуру, чтоб когда-нибудь сдать на вес. Он свозил это всё в наш гараж на Маяковской. Там была какая-то тема, что маму развели и впарили ей самый плохой, крайний гараж — там текло с потолка и было сыро. Но это было хорошо для макулатуры — она становилась тяжелее.

Одна из книжек, которые он приносил, была про драго-

ценные камни — единственная с цветными картинками. Я определил свой любимый камень: рубин.

Когда я был дома один — а я в то время, скорее всего, как всегда, болел и, после первых лихорадочных дней, там один «хорошо проводил время» (это фраза из фильма «Мумия») — и подступал ко всяким таким книжкам про драгоценности, к «Коллекционеру» (которого я прочитал пока процентов десять), ко всей этой предвкушаемой взрослости, в которой меня ждала, как казалось, куча всего — у меня на этом дофамине, как всегда, сразу подступало говно, и я шёл серить.//// А пм яодйэ, а ймлвлс пднмборбэ, р лвлю пу-
лолёоняюкоэ нжсрюк: б пййщи езямскщи кнйгмп бшйдею-
мёэ зюйэцийё, я св рвитквъ, йлбгэ йэи ющ пгпыгчщ йллснм-
кщ мэв оанёк ловэлзекнй\\\\, я начинал делать тот жест ру-
кой, которым мы провоцировали Мурку, как бы невидимой
Мурке. Наверное, это началось с того, что я серил с откры-
той дверью, и она подошла, и я так ей сделал — и с тех пор
повелось. А иногда, вместо этого, я ещё стал имитировать
какую-нибудь манерную физиономию и эмоцию, дополняя,
порой, какой-то фразой. Это могло быть с разным смыслом,
но примерно типа того, как Олег Тиньков (это в две тысячи
двадцать четвёртом году в интернете) произнёс фразу: «Со-
мнительно, но окэй». Или типа той эмоции удивления Эд-
варда Нортона в фильме «Бёрдмэн», в конце его самой пер-
вой репетиции, когда они сделали лица, мол, «круто полу-

чилось». //// Рязжд анп гвйяи ругмзж, пзбэ кю рлзпюжв. \\ \\Я тогда ещё, конечно, сидел на унитазе, когда серил, и если меня обдавало водой из лунки, я, максимум с небольшим омерзением, просто подтирал — и всё. Настолько не брезговал в этом плане, хотя брезговал в других. Ну а потом я смывал, никакие руки я тоже не мыл, и нёсся дальше — под рекламы надувных матрасов и титановых ножей, где надо было позвонить и заказать прямо сейчас, и тогда получишь второй комплект бесплатно, — предвкушать взрослость.

В то время, попробовав лизнуть руку и потом понюхать, я впервые заметил, что слюни пахнут кисло, когда высыхают. Особенно это было через пару часов после того, как съешь что-то мучное, или просто, когда давно не ел. Скоро, когда начну думать о поцелуях, для меня это станет комплексом, а также триггером брезгливости. Я только потом, во взрослости, разберусь, что надо просто чаще пить, чтоб рот промылся от застоявшихся бактерий. Ну а ещё — мы же в семье чистили зубы один раз в день, до еды с утра. Это был просто пиздец.

Валяясь на кровати на пледе, где я вечно тискал и обнимался с Муркой, я////, йэи ё б вдппсяг, ннблзйюк енмс заднут ж лрйнщбхжлоэ лхйлк еювиюсшаяи блёгру. Ысл жэлюпжд арвбгэ гэаяим йлд хтяпсям ямжяояцгмёэ я ряме ёмэинймд, б «плвмлбн пдюэ». Тбмбигсямпьин лноряитвьё мм ймдйс

бюкгинйс монхйнйс. Ряз тд римёёйноѡ, хсл якюкщлъѡв нщс-
швлъѡ т кдкѡ эпрлфзёоняюкёпы п нюмкжл вдппсямл. \\\

В плане поликлиники начиналась гастро-тема. Я же постоянно жаловался маме, и вот я то и дело жаловался на тошноту и всякую мелкую хрень. Вскоре начиналась поликлиника и анализы.

А как-то раз мы с мамой ехали в Саратов на дяде Серёже, и они говорили на гастро-тему, и они вспомнили Шурыгину (он её знал, потому что он же был у неё с мамой преподавателем), и у Шурыгиной тоже были гастро-проблемы, и вроде даже язва. И дядя Серёжа сказал: «Ой, да у Шурыгиной целый клад язв». Мы проезжали клейзавод в Энгельсе. Он уже был разрушен, и там был пустырь.

В какой-то день в гимназии//// Юпёи, юромхёжплая-
яцзжпю с йгмь б рн апвкю п ммюяжбхжлоэ ягжбг Ходзмл,
рвоякск а потощ. Иядгсоэ, мм а ѡрн апвкю пзбгк ля ннойдбл-
дж оэосв. Япд оюбмл пзбэшёг кюцэйз ёяджлэры лнощ, нн-
хдк пкру ё гру, ю оюл мм лд нпёвьяюк ыслкт ёмэхджю, з
йзхъ змвбю Оадпйякю Агмкюгщгбкю оияеюкѡ дйс ммипж
я срюквр, мм, рл рямдж уигвийосёхмлз рйьюинж слйрпэйѡ,
япсэй ё мвмфлрмл олнкгйрь. \\\Для меня такая ситуация
была бы началом новой жизни, полной планирований к сле-
дующему Хеллоуину своего праздника, в духе одноимённо-

го фильма, чтобы компенсировать такой позор. А Арик подмылся и был как ни в чём не бывало, а с выпускного у него есть фотография, где он обнимал главную//// жмурнаояйлты \\красотку класса — Дубинину.

В какой-то другой день, во время урока, была неформальная атмосфера, и Лёша Королёв, который отличник и сын главной инициативной мамки, а во взрослости — рэпер и шоумен, в ходе всеобщего разговора с учителем выдал какую-то шутку, как будто базовую острую фразу из какой-то телепередачи. Весь класс, включая учителя, смеялся, а я не расслышал. Я потом очень долго ломал голову, что же он такое сказал. Я думал, может, «вы — самое слабое звено, прощайте». Но я бы распознал эту фразу по интонации, а у него было как-то по-другому, а главное — длиннее. Я пожух и стал комплексовать — я бы ничего не смог так же метко сказать, чтоб аж взрослая учительница посмеялась. Было очевидно, что всё, на что я был бы способен, — это вот только та фраза из «Слабого звена». Но это было примитивно, и над этим бы так не смеялись. Уже тогда понимал, что вся моя фантазия и широта мысли заключены в нервные рамки мыслей о дристе и строгих женщинах. Уже тогда как будто чувствовал, что Королёв будет в Москве, в Америке, с тысячами подписчиков — а я буду вот это вот всё писать.

>>> Часть 34 текст 5. Двадцать третье февраля,, группа «Выход»,, «Мурашки» и американские хорроры,, на зимний Мостоотряд,, масленица на площади,, на выставку рептилий,, фильм Американка и пацанщина.

.....

Это были уже солнечные, позднефевральские дни. Бесконечные догонялки с Гужиком и домой с отцом на «Ниве».

Ко Дню защитников Отечества — которыми тётки называли всех мальчишек, генерируя во мне всё больше стресса, потому что для меня это было напоминанием о грядущей службе в армии — снова было какое-то костюмированное мероприятие в классе. Запомнился мизер. Гужик был в костюме мушкетёра или типа того, и у него была игрушечная шпага. Был какой-то полунеформальный урок прям в этих костюмах, и он сидел в своём ряду, а я подсел на соседний с ним — так, что мы сидели бок о бок. И я взял ручку в качестве своей шпаги, и мы сидели и фехтовали весь урок. Позже, вспоминая, как проходил этот день, Светлана Геннадьевна припомнила этот момент и изобразила наше фехтование. Весь класс смеялся. Мы были уже чётко обособленными двумя шутами класса.

Отец раздобыл и установил в переднюю панель машины автомагнитоу, которая могла играть аудиокассеты. Так я слышал песни группы «Выход». Он её гонял по кругу всю

дорогу каждый день. Это был русский рок, но с запоминающимися мелодиями, в основном на пентатонике. Вокал был приунывший. Вроде, закос под рэгги. И это ассоциировалось с Гужвиевым. Была какая-то сильно рэггивская песня — «Мой брат Исайя». Потом — какой-то «Дон Педро Го-мец». Я это ничего не понимал и до сих пор не интересовался. Меня всякая эрудитщина не интересует. Мои любимые песни были «Дороги, эти вены земли», «Герой некрологов» и «Торчу с твоих ног». Все эти песни пропитали всё то время, связались с Гужиком, поездками в школу, ну и, особенно последняя песня — с эпопеей с одноклассницей, которая скоро начнётся. В этой последней песне ещё был припев, где одиночно пелось странное слово: «Шала, шала-а-а». Я гадал, может, подразумевается бранное слово «шалава», и просто пропускается третья согласная. Тем более песня была, очевидно, про ноги какой-то женщины. Но я как-то раз спросил у отца, и он сказал: «Нет». Про слово «шалава» я лишь знал, что оно бранное, но не знал, что означает.

Отец в своей молодости, до меня, был на квартирнике этой группы, когда единственный раз был в Питере, куда у него была командировка проявить плёнку от саратовской киностудии. А когда Силя (так звали лидера группы) году в девяносто шестом приезжал с концертом в Саратов, отец на него уже не попал. Но на него попал и даже встречал Силу с поезда товарищ отца — какой-то брат Дэцла, который жил в

Саратове, тоже Толмацкий. Этот Толмацкий был хиппи, не учился, не работал и рано умер. Он, до меня, предлагал отцу уехать в Питер и влиться во всю ту тусовку, но отец сначала учился, а потом сразу ввязался в семейную жизнь — из-за того, что зачал меня с мамой по пьяни.

Домашние задания я делал с утра до полудня, а уроки были и по субботам тоже, но не самые строгие, и поэтому как-то раз с утра я включил телевизор и Рен-ТиВи. Там шло что-то детское, судя по значку Фокс-кидс, но, при этом, это был фильм. Оказалось, там шёл сериал с детскими ужастиками, назывался «Мурашки». Там была вот эта максимальная Америка спальных малоэтажных районов. Все эти их большие обустроенные отдельные дома у каждой семьи, большие игрушки у детей, всё большое, отсутствие темы крохоборства, сытые американские лица и клетчатые рубашки из девяностых по гранжу, и вечные пикники и Хэллоуины. Такой идеальный мир был идеальным местом для невроза разными плохими предчувствиями.

Была какая-то серия с психотической сценой на тему розовых внутренностей гроба. Хотя, может, это было во Фредди Крюгере. Там, типа, кто-то попал в огромный бесконечный гроб, никак не мог из него выбраться, и со всех сторон были эти розовые мягкие стенки. Тоже, короче, была в Америке эта розовая тема. Она навсегда у меня стала ассоциироваться с похоронами.

Но я попал уже на самый конец этого сериала. К концу марта он закончится.

В конце февраля мы с мамой ездили на Мостоотряд в лес. Был мороз и солнце, а с берега тамошнего озера был виден Саратов, и я думал про одноклассников, которые все были там. А обратно мы доехали на девятом троллейбусе до конечной — ну, это где музей, как обычно, — и, как выходишь из троллейбуса, тут сразу был тот, так называемый, «дом с пельменной». В самой пельменной с краю я никогда не был, но там был ещё один вход в магазин с продуктами — там были синие советские весы, там мы по пятьдесят копеек покупали булки «семечки», после которых, как я установил, слюни как раз таки и пахли наиболее кисло. А ещё там был отдел товаров-приколов. Там были вещи, типа какого-нибудь набора для имитации ножевого ранения. Можно было на себя нацепить, лечь как мёртвый — и как будто из тебя торчит нож. Было понятно, что нравственно-морально это всё как-то не годится. Там за витриной с этими товарами даже и не было продавца, будто никто не хотел это продавать.

А потом оттуда мы пошли в сторону площади, по стороне музея, и мы в него зашли, потому что там была выставка рептилий. Но мы не стали заходить, а решили взять из дома камеру и прийти с ней. И мы пока пошли дальше на площадь. В те дни — я не разбираюсь в этих всех праздниках — была какая-то Масленица, и на площади были соответствующ-

щие мероприятия. Там был столб, по которому мужики пытались залезть и забрать с верхушки какой-то приз. Только этот столб как будто облили водой — он был весь во льду, и было нереально по нему залезть без приспособ на ноги под названием «кошки». Но главное, о чём я думал — это «а как же, если сорвёшься с этого столба? Можно же сломать шею и лежать всю жизнь». Об этом же могла ещё думать мама, а остальной праздной толпе такие мысли, казалось, в голову не приходили. Тогда я думал, что они все дебилы. Я только к взрослости узнал, что всё ещё хуже — их забава на таких зрелищах была как раз в предвкушении трагедий.

Мы вернулись на выставку с камерой, и лучше бы я поскользнулся и разбил камеру по пути, потому что я наснимал кучу этого пресмыкающегося дерьма поверх ранних записей. Я, конечно, пытался следить, куда я записываю. Но там всё равно на кассете была путаница, и там ушла, например, бабКлава, ворчавшая и мывшая посуду на кухне в тот день когда-то, и другое. В общем — пиздец. Я записал скучную на той выставке игуану, питонов и как они заглатывали мышей. У мышей вытягивались и дрожали хвост и лапы — напоминало то, как я//// вплхзи рямзй рдюсёгл лна, — з ммё олённлн прэйзоь ё нюпднюкёпы мс плвосё. \\\

Ориентировочно в то время вечером по телеку прошёл какой-то странный российский подростковый фильм. Я при-

вык, что всё, что наше подростковое — это про прилежных пацанов, всякий Ералаш. А тут были какие-то белокрысы шкеды, которые курили, напивались и гонялись за девками. Была сцена, как они//// ннбплэръпёаяыр ею кжлѐ б яакг — сэк мойй олияеюкѐ азя ом япдйж ёу ожрщияйж. Впрбьяь \\\сцена — где пацаны группой воровали арбузы из вагона — там самого трусливого, как всегда, переехало поездом, и потом был слѐзный момент, как он явился главному герою в виде-нии с разбитым арбузом и словами «вот, не донѐс». Ещё на протяжении фильма главному пацану всё являлся призрак какого-то потерянного брата. Это было всё в духе того, как в фильме «Вор» пацану мерещился его родной отец. Для меня вот эти все сцены, начиная с той сцены Муфасы в небе в «Короле льве», всегда были самыми слѐзными. Где-то в конце две тысячи двадцать третьего я разбирал в дневнике — почему.

Ну а ещё в том фильме была другая странная для меня тогда сцена.//// Ряй оэфякщ ющкѐ б пянюд, з жл вдяия нпѐлдойя иянрь, мѐ йлрннщф алвпсл гѐк ѐ бѐйдпмб яъиж зюппжмзж амкшу ююа. З ысѐ гяю мюхѐля псѐйз хсл-сл гвйяпъ нсйлз я чпюмѐу я пѐзнкг оанѐу мжрви. \\\Мне было непонятно вообще.

Это всё, что я запомнил тогда из этого фильма. Фильм назывался «Американка» — я сейчас установил.

А, ну ещё в том фильме была сцена, где пацаны и мужики по непонятным причинам начинают толпой драться друг

с другом. Отец уже рассказывал мне про этот феномен. Какое-то «стенка на стенку». Говорит, в его молодости это было — пацаны с одного района против пацанов с другого. Я не понимал смысла. Это снова было про добровольцев боли. И ещё с этим феноменом у меня связались кожаные куртки. В Заводском у бабВали внутри двух пufиков из её комплекта мягкой мебели хранилось тряпье, и там лежала кожаная куртка из отцовской юности. Он говорил, что смогу носить, как подрасту. Но было очевидно, что вряд ли, потому что она была прям старая. Но вскоре, как потеплеет, как я припоминаю, кожаную куртку стал носить Гужвиев. И это будет некоторое время очередным моим одеждным фетишем.

....

>>> Часть 34 текст 6. Начало влюблённости в Катю Ильину и почему на пару с Гужиком,,, признание Кате в спортзале,,, начало//// кнвбн жмугкщпяю \\\.

.....

В школу я ходил уже исключительно ради перемен между уроками.

Тяга к компанейству у меня была всегда — во всём: начиная с тех рисунков себя с братом в детстве и моих начатых и не развитых рассказов, где у меня была говорящая ящерица-друг, кончая тем, что абсолютно все мои любимые фильмы, которые я перечислял в своей биографии, кроме «Фор-

реста Гампа», были про компании.

Я представлял — себя, Гужика, Арика. Я, конечно, в мечтах хотел быть в компании главным и самым продвинутым, как главные в моих фильмах. Я был Джеком Доусоном, Гужик — Фабрицио, ну и так далее...

Вот только «далее» было само собой разумеющееся... У каждого главного героя моих любимых фильмов была возлюбленная.

В компанействе с Гужиком я был основным зачинщиком. Я поэтому ещё к нему и прицепился — он был ведомый. И я был склонен сначала составить план, разъяснить его, и только тогда мы начинали его воплощать. А если инициатором чего-то нового был он — что реже — то он это сразу просто делал, а я, видя, к чему он клонит, подключался и развивал тему. Так мне, в принципе, тоже нравилось. Это было нужно для разнообразия и развития. Но главное, чем мне нравилось компанействовать с ним, чем мне нравилось компанейство в принципе, — так это тем, что я становился в разы смелее. По крайней мере, так я чувствовал тогда. Потому что, если бы копнул слегка глубже, то сразу бы увидел, что то была не смелость, а возможность в случае неудачи разделить вину с компаньоном. Поэтому я и вмешал Гужика в историю с Катей Ильиной практически одновременно с возникновением интереса к ней в считанные дни. Я бы мог ему про неё не говорить и снова бы сох по девочке секретно, как

я сох по всем предыдущим. Но я решил, что лучше пусть у меня будет конкурент — я знал, что он подхватит эту тему в качестве конкурента, потому что всё наше компанейство основывалось на соперничестве и подколах друг друга (я потому и не могу называть это дружбой), — чем я снова буду призраком. Тем более она же ему была не нужна — я знал, что он прицепится только ради сопернической игры. А если Катя заинтересуется нами в принципе, то она разберётся и увидит, у кого из нас оригинальный, неподдельный интерес.

В то время Катя Ильина была в подружечном союзе с Леной Дубининой. Лена Дубинина — это которая с диснеевскими глазами и немного Бьёрк. Во взрослости с восемнадцати лет у неё сразу фотки с парнем, поездки в Париж, потом — «Мерседес» и сеть кофе-шопов по Саратову и даже в Москве. Какое-то видео на ютубе с ней посмотрел — она там глупо заявляет, что это она всё сама, и что мужчины ей не помогали. Ей помогало всё — и особенно её мужчины.

А Катя Ильина... Она есть на детской кассете со второго класса и на той фотографии, где ещё Ермакова, Березина, и я к ним всем спиной. Карие глаза, но волосы ближе к русым. Она была резвая, совсем не как Маша и всякие Березины. Она жевала жвачку, хихикающе перешёптывалась с Дубининой, могла бы даже дать отпор физически. Она, естественно, ходила на физкультуру. Носила серёжки. В отличие

от Маши и Динары, Катя наполовину///// ятью мон пдзп, ун-
пъ ё гл рёу ммп э ммйэ онм ърн арг ддд кг еляи. Кюолйня-
жмр — нпл рвир,\\\\ а на вторую половину — про дружбу.
За счёт её резвости я видел её не скромной возлюбленной в
уединении со мной, а в компанействе с нами. Ну, в общем,
как «Парк юрского периода: Два», «Годзилла», «Мумия» и
прочие компании... Я потому и не ревновал. Такая, как она,
всё равно будет только с самым главным и лучшим. А кто
из нас с Гужиком главный и лучший — мне было понятно.
Лет в пятнадцать она мне в интернете писала, и у неё тоже
уже был бойфренд. Только он был из самого далёкого района
Энгельса под названием «Мясокомбинат», и у неё, кажется,
было без Мерседесов и Парижей.

В общем, это было где-то в районе моего дня рождения.
Мы с Гужиком выжидали подходящий момент, чтобы выра-
зить Кате наш интерес к ней. Я в начале гимназии расска-
зывал, что иногда физкультура проходила в миниатюрном
спортивном зале в подвале — вниз по третьей старой лестни-
це. Из-за резинового пола и зеркал на стене он был больше
похож на тренажёрный. Ну и вот там это и произошло.

Я уже не помню подробностей. Все были игривые и озор-
ные, а мы с Гужвием — уж тем более, главные балбесы и
непоседы. Наверное, мы сделали это через воздушные поце-
луи, когда она смотрела в нашу сторону. Она начала пере-
шёптываться с Леной и другими. Уже скоро весь класс заме-

тил наши признавашки. Было совсем не до урока и не до каких-то там упражнений. Я воспринимал, что мы с ним были два инвалида, сумасшедшие, поражённые любовью — нам можно было ничего не делать, а только слать ей поцелуи один за другим. Я был весь в экстазе и эйфории. Впервые в жизни так близко подшагнул к мечте. Казалось, вот-вот мы с ней сойдёмся, и я наконец смогу смотреть в глаза и общаться с желаемой девочкой — почти ровесницей и равной мне во всём, а не со слабоумной Алиной и вундеркиндшей Аней, которые были на несколько лет меня старше.

Тот день чувствовался самым лучшим в жизни, а несколько последующих дней мы с Гужвием только и делали, что слали ей эти поцелуи всякий раз, как она на нас посмотрит. Когда я в классе смотрел на Гужвию за его партой, он тут же театрально посылал очередной, а сам при этом соревновательно косился на меня. Когда он делал этот жест рукой, у него пальцы выгибались в обратную сторону — он был из «гнутиков». У меня никогда так не выгибались ни пальцы, ни локти. У меня всё тугое, как палки. В ближайшие сроки и все одноклассники, и учителя, и мои родители уже знали о нашей с ним... Даже не знаю, чём.

Потому что, конечно же, она ответила нам абсолютным неприятием. Когда рядом были такие, как Ерокин, Королёв, Болдырев и Эльчин, для пятёрочниц, из которых была Катя, мы с Гужвием были просто какой-то назойливой глупостью.

Мы были глубоко из второго эшелона пацанов, может, даже уже третьего. Потому что между нами и первым эшелоном были уже более спокойные Арик, Макаров, Крючков. Хуже нас с ним был только дёрганный Евстифеев, над которым мы иногда смеялись. Но даже это — только казалось. И, кстати, это, возможно, только мне казалось, и только я об этом всём думал. А у Гужвия, может, и не было таких разделений. Я делил по уровню чувствительности и ранимости. Знал бы я, что по этой системе я на самом деле был не то что во втором или третьем эшелоне — а вообще в тридцатом, или сколько там всего было человек в нашем классе. Вообще вне.

Ну и ещё, конечно, для всей этой темы с влюблённостями было на пару лет рано. Межполовых компаний ещё не было. Но мы отступать не собирались — мы только начали.

∴

___ Часть 35.

∴∴

_____ Мне 9 лет.

∴∴∴

>>> Часть 35 текст 1. Кровавая кассета от Гужика,, первая компьютерная игра,, мои поздравления близких,, безответная влюблённость в Катю,, к бабе Вале там баба Лена,, тётёЛюсин Валера с фаберликом.

.....

Кому-то в классе уже исполнилось десять лет, а мне — только девять. В классе на перемене ко мне в своей манере — с ужимками и через силу — подошёл Гужвий и вручил какую-то кассету. Он даже ничего не сказал, просто махнул, мол, делай с ней что хочешь, и ушёл. Это была, очевидно, инициатива его родителей. Позже, когда мы как-то с мамой оказались пешком на углу Чернышевского и Соколовой и зашли там в магазинчик, там был отдел с кассетами, и его, как я понял, держал его отец.

Кассета по обложке была каким-то среднебюджетным ужастиком про вампиров, называлась «Подвиды — Камень крови», и дома я не спешил его смотреть — после фильмов Мистер ужаса, уже зная, как много в ужастиках такой категории недетских сцен.

Видимо, на этот день рождения отец, всю жизнь мечтавший о яхте и путешественнической жизни, читавший Жюль Верна, книги которого в красочных обложках, но с невыносимо скучным для меня содержанием стояли у нас на полке, купил мне первую в жизни компьютерную игру — «Виртуальный шкипер», гонки на яхтах. Она на нашем компьютере не шла, только я этого не понимал. Всё там зависало, текстуры не грузились, картинка двигалась со скоростью один кадр в секунду. Я кучу времени потратил, пытаюсь привыкнуть. Только годом позже я пойму, что у нас просто пентиум

первый, а для игр нужен пентиум три или пентиум четыре. Не знал я ещё всей этой темы, что в компьютерах всё вечно устаревает, и я уже тогда думал, что это я что-то не умею. Так начался мой конфликт с компьютерами, добавивший тремя годами позже к всеобщей депрессии.

Так же, видимо, в этот день рождения отец снова был с Ивановским фотоаппаратом, и мы собрали всех моих игрушечных рептилий на две табуретки, поставили их на мою кровать и сфотографировали со мной между них. На память о детстве.

А про кассету от Гужика я не ошибся. Когда я потом дома один посмотрел — это был явно самый жёсткий ужастик, что я видел. Там сразу были фонтаны крови, у главного вампира она без конца текла ртом. Куча гробов, жуткие замки. Там от него пыталась скрыться красивая темноволосая девушка, которая и сама уже превращалась, бегала по ночному городу босиком, а когда превратилась — это было всё в стилистике немого нуара — зашла в рок-клуб, охмурила парня-рокера, и когда они уединились, укусила его в шею и начала пить. Я не знал, что этот фильм был из состава мини-сериала и что в следующей серии, возможно, эта героиня ещё будет жива. Поэтому, когда в конце была сцена, что она осталась в подземном склепе переждать день, и на неё сзади накинута и утащила вглубь уродливая ведьма — для меня это было ка-

ким-то супержёстким концом.

Судьба этой кассеты в итоге была такова, что я никак не мог её просмотреть целиком: один дома почти не бывал, и ближе к лету я дерзнул посмотреть её с мамой в квартире — и она зашла в зал, я не успел выключить, а там была как раз эта кровавая сцена с героиней и металхэдом. Мама сказала: «Это что такое, давай выключай быстрее», — и заставила меня пойти и отправить эту кассету вниз по мусорной трубе.

Сохранившийся набросок поздравления на Восьмое марта.

— — — -начало вставки — — — —

Мама, Мурка — поздравляю, счастья радости желаю! Мурке всяких там котов — маме добрых мужиков. Я, никита поздравляю вас с 8 марта. От никиты.

— — — -конец вставки — — — —

«никита» я так и писал, с маленькой буквы.

Ещё сохранилось поздравление деду — то ли на двадцать третье, то ли на его день рождения, в День космонавтики.

— — — -начало вставки — — — —

Деда, деда поздравляю
Деду, деду я желаю:
Бровь не хмурить никогда,
Поплавку тонуть всегда
Пивом тачку заправлять
Окуней всегда таскать

— — — -конец вставки — — — —

Я всецело был в истории с Катей. Мы с Гужем начали за ней ходить по пятам по гимназии, соперничествовать, когда попадали в её поле зрения, стараться подсесть к ней ближе. Ну точно уже не помню всего набора активностей. Записки... Да, по-моему, записки с ребячеством ей кидали. Мы и в принципе перекидывались записками без конца друг с другом. Она нам ничего не кидала и не говорила. Воспринимала нас дурачками.

На восьмое марта в моих цветочных магазинах, куда я продолжал заходить, я всё хотел купить и подарить ей какую-то орхидею. Цена была не детская, и, хоть, может, у ме-

ня даже уже и хватало своих накоплений на такой подарок, в итоге я всё-таки решил, что не нужно. Всё как в «Коллекционере» опять, хоть уже и не призрак...

А Маше Ермаковой, будучи на\\/// йёюмбкмл анеят-двджз\\///, пересмотревшим «Титаник» и вдохновившимся символично-вещевыми сюжетами типа «Сердца океана», я привёз ту её тетрадку, которую выкрал в прошлом классе. Я подошёл к ней на перемене, молча отдал и ушёл. Она спросила: «Зачем она мне?».

На праздник я был на Фрунзе, смотрел там «Слабое звено». Там был выпуск, где были Боярский, Жириновский, Мармеладзе и другие. Жириновского я уже с каких-то пор заметил ранее, и он был моим любимым политиком. Он и тут тоже отжигал, но его всё-таки выкинули как слабое звено. И там после выкидыша всегда давали что-то сказать, и мне запомнилось, как он там всем раздал — гляньте этот кусок. Я чувствовал родственное в Жириновском. Все его воспринимали клоуном, а он, тем не менее, вроде как был прав и чувствовался выше всех, по крайней мере всяких таких Боярских. Точнее, глубже. Чем глубже — тем выше.

Был и у бабВали. Очередной «Классный журнал». Там к ней стала захаживать её знакомая бабЛена — добродушная мелкая бабулька, которую я воспринимал в духе тётЬЛюси — как неформальную подружку. Она работала медсестрой

или санитаркой, жила в хрущёвке рядом с местом, где была разрушенная хрущёвка в моём очень раннем детстве, и у неё были маргинальные дети-алкаши. Пару раз она ещё упомянется в моей биографии.

А у тёти Люси в то время я тоже, кстати, был, с мамой. Это которая мелкая бабулька, мама Валеры, маминого двоюродного рыжего брата. В Энгельсе, в районе «Мелиорация», дальше бабКлавы, тоже в хрущёвке. Ну, примерно в то время мы к ней ходили, плюс-минус сколько-то месяцев. Мы там просидели до вечера. В стенке с посудой в главной комнате всё так же стояла статуэтка цыганки, которую я боялся в детстве, как и вообще цыганок, которые своруют меня от мамы. А потом туда пришёл Валера и ещё какие-то люди, и Валера начал презентацию косметической продукции. Ну, это которые Орифлейм, Фаберлик и подобные секты. Валера, демонстрируя какую-то мазь, помазал меня и попытался убедить остальных в каком-то эффекте. Он, может быть, уже вышел на его раннюю пенсию, потому что он был военный. У него от первых жён были те его двое сыновей — Паша и, старший, Дима, который, по моим биографическим подсчётам, осенью следующего года уйдёт в армию, и вот он для них и очередной жены суетился и занимался всяческой деньгодобычей. Это он, как стервятник, выждав момент, когда мама в моей молодости разосрётся с истеричной — от которой генетически я и унаследовал садохистический невроз (потому

что у неё к маме было именно это) — бабКлавой в конец и уедет со мной в Санкт-Петербург, в итоге охмурит бабКлаву и захапает дом на Фрунзе.

Но у себя именно в то время я не помню садохизма — в смысле издевательств над Муркой или чего-то в этом духе, или//// мабояфжбэлзь рдюсёгл лна ол мвпйльызс нюж вн ёябщфэлзь. Япе ысл мэхзкюклпы рнавя, йлбгэ ю кмлбн нпланбжк апвкю мгёл. Ю ърнп йиуро ёв ашй ям ярннсэ плвлт — ь з лд яьи глкя мгёл. А рхеюг пюл яъиж япе иязжд-рн гархзв йллснмкщлтьв, кю змслоът ю нднггнюцёаяи мэ сл, фрн э мгпввпэхзяюк,\\\\ вместо выполнения задач, и шёл на тройки и пару раз уже и двойки, но в целом мне не помнится стрессовой атмосферы в тех месяцах. И мама редко бы могла пороть, пока отец с нами. Ну, а главное, конечно, то, что те месяцы были сильнейшим временем по дофамину — каждую поездку в школу предвкушались новые эпизоды с Катей.

....

>>> Часть 35 текст 2. Катя оплевала,, слюни,, про мою безгливость,, неправильные словоупотребления в нашей семье,, в школьном дворе с Катей и Дубининой,, сексофобия.

.....

Чего только стоит тот день, когда мы с Гужвием настоль-

ко её достали, что она нас оплевала. Это уже было глубоко во весну, была какая-то солнечная перемена, она жевала арахис и запивала минералкой. Мы были у неё с Дубининой на хвосте, поднимались за ними по центральной старой лестнице на наш третий этаж. Они уже поднялись и завернули за угол, мы поэтому с ним поднажали, но как только мы тоже ступили на этаж — Катя вывернула из-за угла и выдула изо рта на нас воду. Больше всего досталось мне. Я был в толстовке, и на ней были мелкие крошки арахиса. На Гужика тоже попало, и он трогал пятна и изображал, что ему приятно. А я, хоть и изобразил так же, совсем не сказал бы, что мне было приятно. И дело тут не в том, что она так к нам относилась — это для меня пока была фигня, я воспринимал это испытаниями, через которые надо пробиться. А в том, что я просто брезговал, и причём уже невротически, уже в моём духе. Когда другие думали про то, чего бы говорить ртом, я думал про сам рот и про слюни. А как не думать и не нервничать? Или я планирую слать воздушные поцелуи всю жизнь? (Я был ещё блаженен, что-то там планировал.)

Я только сейчас хронологически понял, что я упустил один эпизод, потому что тогда у меня этой брезгливости было меньше, а в следующем классе, на который я его определял, он был бы уже невозможен. Так вот, когда отец ездил со мной в гимназию во втором классе, когда были те адские подъёмы в шесть утра и походы на остановку по морозной

тьме, и мы так вот с ним утром съезжали как-то раз в нашем вонючем ссаниной лифте, и он уже пару минут с прихожей квартиры жевал жвачку, я спросил, нет ли у него для меня. Он молча дал мне свою изо рта. И он ещё смотрел — смогу ли я. Я тогда смог. А он потому и смотрел так, потому что уже ещё с более раннего детства я отличался брезгливостью к слюням. Не мог пить из одного горлышка после родителей или из одного бокала. Когда приходилось пить из одного бокала — я поворачивал и прислонял губы над ручкой, где точно никогда никто не прислонял. И когда меня поздравляли с чем-то и хотели поцеловать в щёку — что особенно любили бабВаля и отец — всегда была эта тема, что я вырывался.

Кстати, у нас в семье, как, наверное, и не только у нас, было множество неправильных словоупотреблений. Например, вот, «бокалами» мы называли то, что правильно называть кружкой. А мама всю жизнь любила слово «психоз», им она называла совсем другое — невроз. Ковырять пальцы у неё — это психоз, тревожиться — это психоз. Я только годам к двадцати семи, когда образовался и понял, что произошло, искоренил из употребления это не имеющее отношения к нашей истории слово. А сколько раз мама произносила его в общении с людьми, а, может быть, и с учителями, и в кабинетах врачей, а потом и я всю молодость — и как непоправимо это нам нагадило, когда его слышали люди, близко нас не знавшие, но знавшие правильное значение этого слова!

В общем, мы ходили за Катей по пятам везде, кроме, разве что, женского туалета. Её в гимназию приводила и забирала бабушка. Уже теплело, и она вместо шапки носила меховые наушники — это которые как головной убор, я первый раз такое видел. Она с нами не разговаривала и не отвечала, и у нас не было вариантов, чем разнообразить наши подступы к ней. Мы превратились в комаров, которые не решаются сесть на жертву, к которым поэтому привыкаешь и перестаёшь замечать.

Но перед весенними каникулами в конце марта был очень счастливый день. После уроков к вечеру было уже светло, и, может быть, там было так, что у нас отменился последний урок, потому что ни за кем пока ещё не пришли, но все могли уже выйти во двор. И Катя ходила с Леной по тамошним асфальтированным дорожкам между газонами за забором, а мы с Гужиком прятались от них за стволами деревьев и пытались незаметно приблизиться как можно ближе. И тут им, для разнообразия, надоело морозиться, и они тоже начали прятаться и подкрадываться ближе, от чего мы, соответственно, стали пятиться назад. Это самое большее, что у нас с ней будет за все девять месяцев нашей влюблённости в неё. Я постоянно в фантазиях гонял эти воспоминания о тех прятаниях за деревьями, только я развивал их в то, что мы бы не смогли от них скрыться, и, выглядывая из-за очередного ствола, я бы оказался лицом к лицу с самой Катей.

////Огифюр ннкэсм, хсл йллінгскм р лвлю ысл ашйя пд-
зпнсмаёэ. Лн кмв зкрднгркм, хдй ьпм ющкл гиэ Асёяждяю.
Мм ед рндг лр кге савбяи. Э б пкввтычдй влвт э пюл ояопй-
эет, йэи лл вче мс впрбзт гванфгй савбяи. Бю ё лкмвёг мю-
хэль рнам ямжнюрпю — мр, зонйг лнюпть дг япюзжф Ык-
щхзкмб, йлрннщд рязжл одюэцвпйёк еюзаоъяюмёгл п бгбл-
хйэкз ж кг еюмёкяижрщ аш, — нподэбзnmбэйз яь ряз ёв.
Кс пм впсщ, аотюм амблою — юмюижрщ аш. Ъря кяиьцёц-
доияь алэжкь бгблхдз земанюёвля кмлбн бгв — мс йзпгп-
эртнщ ё зоитопсяю бм нгяиьмшу ёпслозж кывдж зе гвррпая
нняпдйгрплн. Мл блр я цгк р гнсвёу йсёфжм яьи йлодкь пми
яньёмё? Ре, ляягпкмд, мв б пдзпнсмаёж. Э кг фжсэй кжв-
бг кж лвмлз ёпслозё, ммгямлз ймдж, кж лвмлз поякпкьфзё
лввзужмоизт оожфл-снубй б ннимбрь отднс. Адевд арг онм
зюйрь-кжарвы акэпсксэ тзаспр лэрднж, иязсэ-лзюсгщ сёояк-
жэ мс ажнмрими едкчзкщ, рпэлрижплаяяцтыпю ля анонпё-
эсёг ёлсводосдйщф онягркжх. Мл т кдкэ ющкл мв ьпм. Э
бслэй мон ге езямс, онм вд нюрзодммшгмшг йюмвоь, онм
пм, хсл б ге пкрхяв лкг пговоы яьим потблдв пэпрзюжшаяпь
нмгёрдиэл м ёлсводог з мвз. Ммэ т кдкэ ёу лраёояию. Ляор-
ниьйл, кюрзмкшин ммэ ашйя нпл рвир — ямс ляорниьйл
нкю р лвлю мсюжпэйя онбжсвйдж з вдппсям. Ж ляя псэлдп
онм огйо дцд юмкщцд и ойдбсэцглр тфгакмлр влвт, олпкв
квя, б рдфгмёг змслонам отннкзнсэппю нднаьв олёмэлзь б
пувод пдзпя. \\\

....

>>> Часть 35 текст 3. Живой уголок в маленькой комнате,, купили белку Зосю,, фриковщина с расстёгнутой шириной.

.....

Приближалось лето — и опять тема живности. Это, к счастью, будет последнее лето по живности, но и самое насыщенное.

У меня также было уже много растений, летом я планировал завести ящериц, ужа. И в итоге на Льва Кассиля, сохраняя свою спальню в средней комнате, я выклянчил себе ещё и маленькую комнату целиком. Родительская большая кровать снова переместилась в зал. Наконец-то было всё как я хотел — целая комната под домашний зоопарк. Там, по моему, оставался компьютер на его компьютерном столе на колёсиках, какие-то книжные полки, офисный стол, на котором мама, получается, тут уже больше не чертила — да она и вообще уже очень мало чертила по сравнению с ранним детством. И ещё швейная машинка тут стояла, которой никогда никто не пользовался и служила лишь для прыжка с неё на большую кровать, когда я был мельче.

Вот в эту маленькую комнату я перенёс все цветы, которыми я называл растения, разложил там те булыжники с дамбы

и расположил в угол ту рогатину ствола вишни.

На каникулах мы с мамой ходили в оттаивающий лес на Мостоотряд. И я принёс оттуда буквально гниль. Мы опять сходили до того болота, куда я спускался когда-то в ходе нашего с ней пикника в том месте, кадры с которого есть на кассете, и я в этот раз черпанул мох с его берега и припёр его домой. Я собирался развесить его на этой рогатине, чтобы выглядело как в тропиках. Но через несколько часов дома из этого мха вдруг зашевелился и вылез не то слизень, не то какой-то червь. Мне стало мерзко, и я нахер это выкинул.

А потом мы с мамой поехали на «Ниве» на наш энгельсский колхозный базар, и там в то время в самом дальнем конце были уже только совсем свиньи, а ближе теперь ещё был ряд под навесом — и тут были рыбки, крысы и подобная мелочь. Мы шли вдоль лотков — и вдруг там была белка.

Торговал ею мужик лет тридцати пяти, но, скорее всего, ещё моложе, потому что в детстве даже двадцати-пятилетние кажутся мужиками. Темноволосый и длинноволосый. Ну прям как я хотел. Я уверен, что я возжелал белку больше из-за того, какой этот чел был крутой. Вокруг у всех были все эти хомяки и попугаи, а он с этой белкой был в центре внимания — и ещё и сам идеальный по длине и цвету волос. Нигде, кроме горпарка, не жили в нашей области никакие белки.

Мне, в общем, просто хотелось быть крутым. Так же, как и рептилиями, и как и с большинством моих увлечений в жизни, не только в детстве. Двадцать процентов максимум — подлинный интерес к теме или предмету, какое-нибудь эстетическое влечение, а всё остальное — комплексы и желание выделиться.

Он ради сделки ушёл с базара, и на нашей «Ниве» мы с ним поехали к нему домой, где у него была большая клетка для неё в придачу. По воспоминаниям, цена была близко к скоростному велосипеду.

Дом его был в частном секторе, возле входа в лес на Мостоотряде. Там был не отдельный дом, а барак на несколько квартир. Мы прошли в квартиру — везде темно, никаких лампочек не работало, маленькие комнаты, и одна была целиком со всяким вот этим зверьём. У него был террариум, и он мне показал больших тараканов. Тараканов я не понимал. Но в целом я был очень впечатлён этим мужиком. Это было как длинноволосые мужики с крутыми большими видеокамерами — ну и вообще, в принципе, как длинноволосые мужики. Или как тот некий художник там же, недалеко, возле Волги, который во дворе собирал живописные коряги. Или как тот Великий дядя у Лены с Машей. Я хотел быть как они. Других шансов выделиться из всех пацанов и привлечь внимание девочек я не видел. Всяких (не) мелочей, типа той, что этот белочник жил с тараканами, а не с семьёй, что у него

не было машины — я в детстве не замечал.

Мы загрузили клетку и поехали. Мы, вроде, его снова подвезли до центра города. Он на прощание сказал мне помыть руки, прежде чем возиться с белкой. У него всё было правильно и по уму. У него-то подлинный интерес был на сто процентов.

Мы поставили клетку в моей средней комнате. На клетку с внешней стороны был прицеплен скворечник — она туда-сюда в него залазила. Белку мы называли Зося. Выпускать её из клетки мы не решались — непонятно, как вообще её брать. Так смело её брать, как белочник, я боялся: слишком у неё были резкие движения и острые когти. Моргнуть не успеешь, если она прыгнет тебе в глаза.

Целый день мы, в общем, сидели возле этой клетки, что-то ей скармливали. Мурку тоже подпустили к клетке, и она сидела, мотала головой туда-сюда. И в какой-то момент мама слишком глубоко сунула палец — и Зося её куснула. Мама всегда с молниеносной реакцией сразу выдавливала кровь, когда резалась. Так и в этот раз — сразу несколько капель на полу. А ещё нужно было мыть полы в квартире в этот день как раз, и пришлось их мыть мне. Вот такой был, в общем, первый день с Зосей.

В гимназии, несмотря на тот обнадёживающий день, когда

девочки нам подыграли, больше обнадеживающего ничего особо не было. Хотя бы ещё оплёвывала — но нет.

Всё это начинало действовать на нервы. У меня и без этого были все те другие прото-сексофобские проблемы, проблемы «отбирание меня у мамы», «чужие люди», комплексы и другое, и даже физическая брезгливость — так теперь начинала просматриваться проблема невозможности связи и вообще, при которой, соответственно, невозможно разобраться с первыми.

В этом классе англичанка приходила и вела свой урок в нашем классе. Светлана Геннадьевна в это время сидела на задней парте и проверяла наши тетрадки. За те несколько лет гимназии англичанок сменилось две или три, но все они были молодые, наверное, по двадцать пять или моложе. Они не были стройными, и я поэтому в них не влюблялся, но всё равно за счёт такой молодости они всегда были самыми приятными учителями и наименее строгими.

И вот в один солнечный урок английского я там выходил к доске что-то отвечать, и тут англичанка подозвала меня близко к себе, она собралась что-то мне шепнуть на ухо. Говорит: «Сейчас выйди из класса и застегни ширинку».

Но я был в отчаянии и поэтому подсознательно в тот миг решил: «Да пошло всё, всё равно ни хрена не получается» — и застегнул ширинку прямо там же, на виду у всех. Весь класс ржал, особенно Гужвий, злорадный соперник, кото-

рый, когда я попадал в просак, всегда заводился протяжным «Аааа» и заливался постановочным смехом. Я тоже смеялся — по тому самому механизму, объяснённом когда-то в начале биографии, в эпизоде на пляже.

Это был первый, какой помню, инцидент моего фриковства, начавшего развиваться параллельно половому отчаянию.

....

>>> Часть 35 текст 4. Дубоносов и Слава Сталлоне,,, Слежки с Гужиком за Катей,,, Лена с Машей в гости,,, по церквям с классом.

.....

С каких-то пор, после каких-то инцидентов, в которых чуть ли даже не Ерокин с кем-то из них поцапался, стало заметно, что пацаны в параллельном пятом «Бэ» классе были дерзкими и агрессивными. Совсем в этом плане не похожий на наш класс. Помимо прочих, там был какой-то Дубоносов и Слава. Первый был большой, тупой, медлительный и грубый, а второй — мелкий, резкий, дерзкий и с жёсткими тёмными волосами, а чертами лица напоминал Сильвестра Сталлоне (я его пока знал только по фильму, где он играет армрестлера, но уже скоро узнаю и в других, и это его

«стальное» амплуа в связке с инцидентом со Славой, о котором сейчас расскажу, будет сильно укреплять моё самощущение себя психослабаком). Его одноклассники его звали Славик и уважали. С Гужвиевым общие проблемы у нас были с Дубоносовым — он искал, до кого доебаться, и он особенно приметил нас. И было то, что мы с ним убегали от него по коридорам, хоть тот и не старался догонять, а лишь шёл дальше, как крутой, и смаковал, что от него спасаются бегством.

Но один раз, перед физкультурой, мы заходили в раздевалку, а оттуда ещё не вышел этот пятый «Бэ», и там случился какой-то конфликт, и на меня выпрыгнул тот второй — Слава.

В большинстве моих драк в жизни, так же как и в драках, которые я наблюдал со стороны, дерзкие агрессоры делали приём — захват сбоку рукой за шею. Так же тот сучара Серёжа на Фрунзе, так же и тот пацан после филармонии. Почему-то этот приём меня всегда парализовывал, и я сразу оказывался на земле или позорно к ней наклонённый.

И вот так же — и этот Слава. Он меня сразу позорно повалил и держал на полу, а я ещё чувствовал, как он воняет потом.

Потом мы расцепились, и уж не помню, плакал я или нет, но, кажется, нет. Но это был суперпозор, и, хоть Катя его не видела, я чувствовал, что она всё поймёт по моему растрёпанному и взбудораженному виду. Что все девочки теперь

поймут.

Это вообще в принципе первая моя драка в гимназии и позорный нокаут. Гимназия перестала ассоциироваться только с нежным.

Я сейчас обнаружил, что помню очень мало знаковых моментов про оставшийся апрель и учебную часть мая. Бесконечные догонялки и слежки за Катей по коридорам. Главное, что случилось в апреле — это то, что мы с Гужиком начали следить за ней после школы. Гужик к тому моменту ездил свои несколько остановок в школу один, и его никто не забирал, поэтому он был свободен. За мной приезжали, но я начал договариваться, чтоб приехали позже.

Катю забирала короткостриженная бабушка, и они либо шли тем же путём, как и Ермакова — до Вольской и по ней вниз, либо обходили квартал с другой стороны — по улице Горького и так же шли вниз. Вот мы с Гужиком начали с малого — сначала проследили за ними до Вольской и потом один квартал вниз. Катя знала, что мы на хвосте, и пару раз оборачивалась — и это был сразу суперэкстаз оттого, что она про нас думает. Но мы сразу шугались и убегали. Один раз убежали во двор дома Вольская двадцать, и там ждали. Но дальше идти в первые разы мы всё равно не решались. Потом в какой-то раз мы их просто потеряли.

Дома у себя я, как раньше, носился с видеокамерой, снял в те дни Зося. И я был в большом энтузиазме по Кате всё равно и всё пересматривал посвящение гимназистов полуторалетней давности, где теперь всё внимание было на ней, а не на Маше. И я как-то взял видеокамеру на Фрунзу и, сидя на главном диване, где мы всё играли в дурака с бабой и дедом, я дал бабе посмотреть в глазок, кто такая Катя, а кто Маша. И она про Машу сказала: «Вон, какая красивая», а про Катю: «Да ну, какая-то головастик». У Кати там был на голове бант.

Ну а потом, это было близко к маю, когда Катя с бабушкой пошли по второму пути — по Горького — мы с Гужем тогда пошли до конца. На углу Мичурина и Горького был какой-то филиал Политеха, там у входа была молодёжь — среди них мы легко терялись. Дальше вниз — ещё какой-то колледж. Могу ошибаться, но как будто в какой-то столовке в тех зданиях бывал Арик, как будто у него кто-то там работал из родителей. Он был безотказный, и мы иногда привлекали его к нашим темам, а в будущем привлечём и к слежке до её дома. Но пока мы были с Гужем вдвоём. А те шли вниз и вниз, пока мы перебегали от столба к столбу и всегда боялись, что упустим из виду и потеряем. Они повернули на Бахметьевскую и дальше — до какой-то маленькой улочки и по ней снова вниз. Где-то в пятиэтажном доме — Белоглин-

ская, пятнадцать — они заходили в маленький продуктовый магазин. Не помню, было ли у меня к тому времени уже моё сталкерское понимание, что, когда цель заходит в магазин, будет казаться, что она там пропала, что ты её потерял, что она давно должна уже выйти, — но это только так кажется, и рано или поздно она всегда выходит. Наверное, вот тогда я в первый раз и уяснил это. Это же вообще была первая полноценная слежка. Ну а потом они вышли, обошли и зашли во двор этой пятиэтажки — там был стандартный хрущёвский двор, но уже зеленела трава и солнце уже припекало, и всё это было в центре Саратова, и поэтому совсем не было совковского дряньёвого ощущения, как в хрущёвских дворах в Энгельсе. Они прошли через двор, зашли в первый подъезд дома Вольская, восемь дробь три, ну и вот и всё. Мы сели у подъезда соседнего дома — в ожидании хер знает чего. Лично я вкушал компанейство с Гужиком, связь с Катей хотя бы таким путём — в общем, социализацию, а также просто адреналин недетской ситуации того, что нахожусь вдалеке от школы, в неизвестном чужом месте, занимаясь занятием, которого явно все так или иначе против. В «Ералаше» такого уже не было.

Я где-то в те дни спросил Гужика://// «Я хсл сш флхдхъ о мвз бгкэры?». Пяй, змвбю мгпвв олнй олвнибт йддюк а ммрпгкё з тьякряежплаяи н Ияпг, э модбпсэакый вд лвдпми, б рдт дг гвацэхыёу хрякюф, йлрннщд яъиж япд жж иязжф-рн якгпсли, ммэ зт слбгэ цэпсл млпзию. Нплпсл олвпрбнж. Км,

понючѣая т Бтдю ърни блнплп, с йгмь б бнимбв ашиз ннор-
диъмшг офдкщ ёё сжкщкня. Ъ тдг фсборблаяи, фрн акыяк-
глмлпсщ олхдйс-пм подюсдп сэинам дг, унпэ окъой ммрпг-
кщлтът ругм арг дцд ющк лдмммърдк. Кс ё лкг ющкл зкрдн-
гркм — мэ онюбѣйыкмл йз э мссё. Ймёвр, мм — пюй ед? З
вджпсяжсвйыкм — нк сэи ё нпадпжк, цпм тмсвй ющ о мвз
игёэры а ммрпгкё (кс пмкщин мм лд пйёёяи «нюжбгсшкз»).
\\\\

В апреле к нам приходили Лена с Машей. Мы собрались
вокруг клетки с Зосей, и гости были уверены, что её мож-
но выпустить и они с ней совладают. И, заперев комнату от
Мурки — а то непонятно, подружится ли она с Зосей, — мы
решились. Они просто подставляли руку, и Зося забегала им
на плечи, лазила по ним, а они хохотали. Я бы до хера боялся
за глаза. Они обращались с ней так, как будто всю жизнь за-
нимались белками. Позже мама сказала, что у них вроде бы
даже фамилия — Белкины. Они посадили её на лесенку мо-
его турника, она там лазала, и потом перепрыгивала на них,
и им снова было весело. А я, в общем, был как всегда.

Пятого мая была православная Пасха, и, видимо, в этот
или соседний день было православнудое мероприятие от

гимназии — нас посадили на автобус и повезли по церквям. В автобус мы загружались на другой стороне Мичурина, там же, где всегда стояли машины. Ни о каких церквях вообще не думалось. Думалось о Кате, которая сидела через пару мест впереди, а мы с Гужиком — сзади, чтоб наблюдать.

По церквям нас в тот день знатно помыкали. Как помнится, мы были и на Музейной площади, и в большом соборе на Соколовой, где, по усиленным воспоминаниям, была какая-то тема с захождением нас всех в тубзик где-то на территории двора. В тот час было пасмурно, как помнится. Я не помню, была ли тема, чтоб все девочки должны были быть в платках. Кажется, Светлана Геннадьевна была. А потом нас привезли и высадили на городской площади, где мы все втиснулись в ту маленькую церквушку на Радищева. После неё нас пешком довели до церкви возле Липок. Ну а после неё мы все пешком пошли в сторону гимназии — по Радищева, до улицы Советской и по ней — к Горького. К тому моменту уже было солнечно, и на подоконниках дома на Горького, четырнадцать дробь двенадцать, грелись мухи, и я, зайдя в поле зрения Кати, умело поймал одну — единственное, чем я мог попытаться впечатлить. Думаю даже назвать эту часть биографии «Ловец мух».

В гимназии уроков в тот день не было. Казалось, никому уже не нужны были никакие уроки, подходило время лета. В такие моменты, то есть в такие дни без уроков, я был мак-

симально социальный, максимально ни на кого не злящийся. Зло и антисоциальность наступали в дни, наполненные погаными контрольными, математикой, холодом — и когда, при этом, все другие дети, даже трудные Гужик, Евстифеев, были как ни в чём ни бывало. Вот тогда сразу включалось и прогрессировало то восприятие и отношение, описанное в эпизодах про порки в начале первого класса.

Потом было аналогичное автобусное мероприятие ко Дню Победы. Нас повезли, соответственно, в Парк Победы. Помню, что мы ходили между танков, заходили на площадку «Журавлей». Прошли потом на смотровые площадки. Больше не помню ничего. И это последний раз, когда я там был.

....

>>> Часть 35 текст 5. Продаю тюльпаны,,, фобия кровяного давления и аорт,,, моё сочинение в классе,,, слежки,,, иголкой исправляю пометки,,, школьный журнал на память,,, назойливость Кате,,, в горпарк с классом.

.....

Я могу опаздывать на один год со следующим воспоминанием — про продажу тюльпанов, а также с другим, летом, из этой серии, — но пусть будет в этом году. Это было, в общем,

накануне девятого мая. Мы с мамой были на Фрунзе, а там, в огороде под грушей, рядом с забором с Гавелами, уже были тюльпаны. И мне предложили попробовать их продать. Сами деды ведь практиковали продажи излишков на мини-базарчиках — я рассказывал.

Ну а с тюльпанами вот с утра девятого мая я пошёл один по Льва Кассиля на улицу Горького, и там, перед «Сто первым» магазином — в котором летом покупалось пиво и мороженое — я пристроился рядом с бабульками. Они там постоянно сидели, продавали всякие семечки, воблу и цветы. Я очень быстро распродал свои цветы. У меня появилось несколько розовых свинячьих пятак в своей копилке, и уже появился смысл поменять их у мамы на бумажные.

Наверное, за сто или даже сто пятьдесят рублей уже перевалило к концу весны две тысячи два. Скоростной велосипед стоил примерно от тысячи, а проезд в Саратов — где-то три с половиной рубля.

Я уже бывал на Фрунзе почаще — мне не терпелось стрельнуть на дачу, не терпелось, когда всё наконец расцветёт и гады повылезают.

По Первому каналу началась «Русская рулетка» — тройне жёсткая передача, где сразу были и отталкивающий Пельш, и неожиданное проваливание невезучих участников в чёрную дыру там же, где и стояли, и, в их ожидании этого, ещё садистское отображение их возрастающего пульса.

Как и кровь из вены, я не выносил темы пульса, сердцебиения, давления и перетягивания конечностей. У бабКлавы был аппарат для замера давления — надувающийся хомут на руку, который свистяще заводился, как Гужвиев, когда начинал свой злорадный смех. Мне изредка тоже мерили, и я не мог выносить, когда он сдавливал, а ещё даже хуже — когда сдувался, и я чувствовал пульс. Это напоминало и напоминает о хрупкости человеческого анатомического устройства, а то есть — о смерти.

////Кюолкмы-тммльлт, цпм я сл бнгль ю гшг гркяи, фрн а орньчдй цигмв — иноры жкё йэияь-сл лшцхэ.

\\\\Как-то раз я, наконец, спросил у отца, зачем взрослые протягивают и кладут на что-нибудь ноги. Он объяснил: «Кровь, опустившаяся за день в ноги, растекается — и сразу хорошо». От осознания этой анатомии мне хотелось удавиться, и было тяжело с тех пор смотреть на людей, протягивающих ноги. Кстати, вот, в свою очередь, «удавиться» я воспринимал образным выражением, описывающем какое-то комичное раздавливание самого себя. Ещё не знал, что это про повешение. А что касается повешения, то я пока ещё не знал, что там умирают от перекрытия крови. Я думал — от невозможности дышать, что для меня было чуть более терпимо, чем манипуляции с кровью.

А один раз, на Льве Кассиля на кухне, когда я был без майки, отец остановил меня и посмотрел мне на грудь. У меня там пульсировала кожа. И он говорит маме: «Смотри —

сердце». Ад собой.

После майских праздников на домашнее задание было сочинение примерно на тему: «Чем хочешь заняться летом, описать идеальный день». Наконец я развернулся на полную. Там было и про Зосю, и про всё. Результатом было то, что Светлана Геннадьевна решила устроить мне звёздный час. Она, раздав проверенные тетрадки с сочинениями всем остальным, сказала: «Мне тут хочется вам прочитать одно, которое написал Никита». Я, наверное, весь покраснел, пока она читала. Я не рассчитывал, что это услышат одноклассники. Она поторопилась. В том рассказе были описаны не только идеальные события, но и то, каким бы я хотел быть в идеале сам. И в этом и загвоздка. Я ещё не мог тягаться с Ерокиным, Королёвым и отличником Болдыревым. Я же ещё не был как тот белочник, как крутые мужики. Мне требовалось встать на твёрдую землю, прежде чем соперничать с титанами суши. И, будучи озвученными на весь класс, эти влажные фантазии о себе идеальном, которые учитель, видимо, восприняла за реальность, это сочинение — вот именно что сочинение — звучало как дешёвый понт, за который мне теперь придётся отвечать.

Не помню, как так могло получиться — ведь меня в гимназию возили родители, но, видимо, меня как-то раз довезли до площади, а дальше — я сам. Гужик был без охоты пускать в своё внешкольное пространство, мы на грядущее лето с ним даже телефонами не обменяемся. А я хотел обо всех знать всё, а когда скромность не позволяла навязаться, то тогда я был хренов сталкер. Вот, мне нужно было знать, где он живёт. В общем, я приехал заранее, и я прошёл по Киселёва и встал на тротуаре, он просматривался в обе стороны, и я бы по-любому заметил, из какой двери или подворотни он выйдет. Там везде были вонючие Сэ Жэ Фэ дома. А на другой стороне улицы был саратовский Ритуал — главное похоронное агентство. Туда подъезжали все эти автобусы. Я стоял и думал: «Вот же блин, тут жить». Чуть дальше там было ещё одно такое агентство, а сильно дальше — и ещё третье. Самая похоронная улица города.

Ну, вскоре он вышел и пошёл к троллейбусу. Я был дальше того, откуда он вышел, и поэтому он меня не увидел. Я его догнал, и мы, уже не помню, то ли вместе пошли пешком, то ли, что вероятнее, он доехал на троллейбусе, а я пешком, чтоб не тратить.

Позже, наверное, этой же весной мы снова с ним уже запланировано встречались у его дома, и тогда мы дошли вместе. А сначала у его дома он там ещё что-то забыл и возвращался, и я, банный лист, хотел было пройти с ним в подъезд,

но он сказал ждать тут. Я спросил, почему так, он сказал: «Ну, там коммуналка, там всякие трубы...».

В тот месяц была какая то история с взрывом на проспекте Кирова — там аж кто то погиб. Мама сказала, что это было на углу Горького и Кирова, где был её любимый обувной магазин (и ненавистный мне из за скучности), и я постоянно про это вспоминал, когда там проходил. Такие мои воспоминания я часто называю «моменто морэ».

Компанейские слезки за Катей — это было основное, о чём я думал всё то время, и я без конца напевал те песни группы Выход.

В течение весны я уже не помню заездов в гараж, как описывал зимой. Я, кажется, засаживался и высаживался уже у подъезда, а отец дальше разбирался с машиной сам, а может, они осмелели и уже оставляли у подъезда.

Один раз я заметил, что мама, всё ещё чертившая иногда какие-то чертежи, берёт иголку и ювелирно соскребает какую-то пометку на бумаге. Я попробовал эту технику в исправлении пометок и ошибок в тетрадках, и мама была не против. Я даже носил иглу на уроки, и были попытки что-то так исправить в тетрадке Арика. Но как-то эта тема быстро вскрылась учителем, и я закончил с этим.

Я всячески пытался засветиться ради Катиного внимания,

и была возможность делать это в момент поздравлений именинников. Я же рассказывал, что именинника выводили к доске, и кто хотел — вставал и высказывал ему какое-то пожелание. Был день рождения Ирины Юриной, а я накануне где-то услышал, что «юридический институт» — это для самых крутых. Плюс это вязалось с её фамилией. И вот, не понимая смысла слова «юридический», я пожелал ей, как вырастет, поступить в такой институт. Светлана Геннадьевна сказала: «Хорошо, юристы нам тоже нужны».

Пора заканчивать описание этого учебного года, остохерело, блять. Я, блять, в аду это сижу пишу.

Третий класс был последним классом начальной школы, то есть тех классов, где все уроки ведёт одна училка. Последний класс со Светланой Геннадьевной с её ретро причёской.

Нам, каждому ученику, изготовили по альбому, где на каждой странице была фотография каждого из нас, и мы где-то в течение недели передавали их друг другу, чтобы каждый подписывал в каждом альбоме под своей фотографией пожелания или что хочет тому, кому предназначался этот альбом. В альбом для Кати я, конечно, понаписал — и всё мелким почерком, чтобы уместить побольше. Там я, вроде, и про ящериц понавставлял, в общем — выдал. Весь класс уже

знал, что я рептилофил, это окончательно распространилось после зачитки того моего сочинения.

Гужвиеву я тоже много понаписал, и он мне, вроде, тоже. «Вроде» станет после две тысячи пятого года.

В последних днях мая у нас был запланирован поход в кафе всем классом. Насколько помню, были разговоры, что это будет в полуоткрытом кафе напротив консерватории, но в последний момент поменялось, и было выбрано кафе в Горпарке.

Нас, вроде, привезли на автобусе. Родители тоже ехали, они добирались то ли в другом автобусе, то ли своим ходом.

Мы все зашли через вход в парк со стороны улицы Рахова. Мимо всех этих лебединых прудов и белочных дубов, на полуостров, где сейчас на карте кафе «Ветерок». Там была площадка, и на ней столы под деревьями. Это был идеальный уже солнечный день, как лето — вокруг всякие свисающие в воду ивы, утки и люди в лодках. Были шашлыки или что-то такое. Я с пацанами без конца бегал в догонялки. В общем-то, это всё, что я помню. До самого вечера это было, и не хотелось, чтоб это заканчивалось. Это было, наконец, то, что надо — никаких уроков, школы или даже церквей и хождений между танками, а просто, в идеальном месте города, игры с одноклассниками, у которых ни у кого не было между собой конфликтов, рядом родители, шашлыки и лю-

бимые девочки. И это кафе не чувствовалось как какая-то прощальная встреча. Мы все там расстались как будто так и не доиграв в догонялки. Я уехал просто ждать лето, чтобы первого сентября подкрасться и коснуться Гужика со словами: «Ты — вада».

∴

___ Часть 36.

∴

_____ Третий класс кончен. Лето.

∴∴

>>> Часть 36 текст 1. В учёбе всё хуже и разбор причин,,
к репетитору английского,, всё больше улицы Петровской.

∴∴∴

В закончившемся третьем классе, в изучаемых предметах, уже давно требовалось не просто запоминать — как раньше все эти таблицы умножения, переводы слов в английском, простые правила, — а ещё и понимать. Я не понимал ни хуя. Объяснения, разжёвывания — на меня это ничего не действовало. И я, конечно же, винил себя. Думал, что я тупой, слабоумный. Я так буду думать ещё очень много лет — в этом я действительно был тупой, это была одна из главных ошибок жизни. Я же в будущем постигну пару сложных тем — грамматику английского, устройство музыки. Я постигну

их, потому что они мне были нужны. А тогда, в детстве, просто не было никого, кто бы объяснил мне меня. Что я — человек, живущий не по течению, не «со всеми», а отдельно, и целенаправленный. У которого изучение какого-либо фундаментального предмета, поэтому, всегда начинается с непосредственной потребности его знать для прикладного применения — и иначе быть не может. Это не я был тупой, а образование — тупое. Или, скорее, намеренно не рассчитанное на то, чтобы обучить всех. Оно было ситом, чтобы просеять определённую часть людей — плывущих по течению, тех, у кого всё пойдёт само собой. Их будет достаточно, чтобы составить интеллектуальную часть населения, полезную государству. Если бы все всё понимали и учились на золотые медали — кто бы тогда шёл мести улицы и в армию? А с теми, кто не попал ни туда, ни сюда, ни в третье, а остался на сите, государству дешевле решить вопрос по цене питания блюдами из капусты.

У меня прикладное применение фундаментальных знаний в будущем не может быть мотивом к изучению. «Я хочу переехать в Америку, и поэтому мне надо выучить английский», «я хочу сочинять музыку, и поэтому мне надо понять, как она устроена» — это всё ни о чём. Развитие в предметах у меня всегда выстраивалось из мелких инцидентов возникновения конкретных задач, актуальных здесь и сейчас, острых потребностей или интереса. Ничего этого не было в школьном образовании. И никто не объяснял, что происхо-

дит, во что меня ввязали. Родители, а также те учителя, которые искренне хотели научить — независимо от того, какие были цели у системы образования, в которой они работали, — все они старались, ругать их не за что. Просто все их старания были насмарку.

В общем, в последнем классе я подкачал в английском, и поэтому с самого начала лета, а может, даже ещё с мая, была тема, что мама устроила меня к репетитору — недалеко от дома. Это была взрослая женщина, она была учителем английского в мамином детстве, в школе. Ни мама, ни отец — никто вообще в моей семье не знал никаких зарубежных языков. Отец заявлял, что знает украинский. Он даже когда-то мне рассказал, что «стул» на украинском языке называется «серчальник». Меня это рассмешило из-за сходства со словом «серить». Я сейчас загуглил — и я не вижу никакого серчальника в результатах. Возможно, даже это была отсебятина. Он же — любитель развлекать.

Первый раз к этой репетиторше мы ходили с мамой. Это было на улице Тельмана, дом пять. Мы дошли туда по маленькой асфальтированной дорожке снаружи дома Тельмана Три А, которая соединяла Зелёный переулок и улицу Тельмана. Это будет очень популярная у меня дорожка с каких-то пор в будущем. Сейчас, видимо, это было после дождя — поэтому я и подозреваю, что это могло быть ещё в мае — там, кроме этой дорожки, всё было в лужах, в грязи, в каких-то

люках и всяком говне. Там везде была прям мега-срань — во всех этих ёбанных энгельсских дворах.

Квартира этой репетиторши была точно как наша. Такой же панельный дом, и такая же угловая трёхкомнатная.

Мама выдала мне связку ключей от дома для этих походов. Несколько раз я ходил к этой репетиторше. Мы сидели у неё в зале — там прям также светило утреннее солнце, как и когда оно светило на Льве Кассиля, когда я психанул играть «Гаудеамуса». В какие-то моменты я бы хотел точно также психануть и с этим английшем — потому что я ни хера не понимал. По-моему, я там чуть не разревелся один раз из-за этого. Я только в двадцать два года смогу наконец понять этот ебучий язык. А тогда всё было бестолку год за годом — только самооценка покрывалась ранами.

Ну и последнее, связанное с теми занятиями, — это то, как я возвращался домой один раз. Там, где асфальтная тропинка выходит на Зелёный переулок, есть люк. Он, вроде, с говном — коллектор какой-то. Он всегда был переполнен и тёк, и надо было перепрыгивать грязь. И в этот раз мне показалось, что там сухо. Я рискнул, наступил — и по щиколотку, всем ботинком, погрузился в срань. Вот это я, в общем, запомнил. А не английский.

По дороге от этой репетиторши, проходя с Зелёного переулка к Петровской улице, перейдя которую и вправо за хрущёвку — сразу попадаешь, считай, в наш двор. А если вле-

во, то там был мой второй детсад. Вот напротив этого детского сада, через Петровскую, был вход в так называемую «оптовку». Эта оптовка — одно из мест, без которых мама не могла жить. Там, хоть она и называлась «оптовка», можно было покупать в розницу. Выглядело всё как внутренний двор, в котором по кругу были здания и двери в магазины со всякими продуктами. В самом начале была селёдка. Вот теперь там мама покупала селёдку из бочек, поскольку на Льве Касиля того базара уже давно не было.

Мамины походы на оптовку и мои к репетиторше были началом всего этого места: мы раньше тут почти не ходили, а чуть позже мы уже постоянно будем тут ходить. Петровская улица была односторонней — по ней неслись машины со стороны Саратова, и это был наш основной путь возвращения из Саратова домой на машине: от пляжа — по этой Петровской, и дальше — во двор.

Ну а теперь — про чисто летние события.

....

>>> Часть 36 текст 2. Кенвуд,, срамная тема и дофамин,, Террариум Гребенщикова,, сложная тема с идеальной музыкой.

.....

Ввиду того, что весь прошлый учебный год мы с отцом

и мамой были сильно втроём, дядь Серёжа был редко. Но метко. Как я говорил, он подарил ту кепку, которая мне была велика. Он, возможно, подвозил нас с мамой с какой-нибудь драценой из Саратова. А в последний раз вообще хорошо поддал — подарил маме музыкальный центр «Кенвуд». Фирма такая. Скорее всего, он подарил его ещё весной, потому что воспоминания о лете того года начинаются сразу с Кенвуда. Он был синий и стильный — совсем не такой, как те огромные музыкальные центры на две кассеты, которые я видел в магазинах бытовой техники (хоть мне они и больше нравились, потому что в них, казалось, есть дофига всего). Этот был для одной кассеты. В нём было радио, а ещё был дисковод для Си Ди дисков. Мы поставили его на книжную стенку, к окну, на которое идёт коридор квартиры. И дядя Серёжа в придачу дал ещё сразу диски. Я на некоторое время засел с ними к этому музыкальному центру. Полюбил я их — за то, какие они красивые, как они блестят с другой стороны. Диски ассоциировались с двухлетней давности началом компьютера и предвкушением кучи интересного. Потому что тогда, два года назад, помимо компьютера — я не упоминал — был ещё диск с программой «Архикад», в которой мама должна была бы работать, но ничему сложнее, чем то, как включить компьютер и её открыть, не научилась. Диски у меня сразу вызывали кучу дофамина и предвкушение интересного — я сразу убегал серить.

////Б, ямнючд, й ыслкт апвкджж лпнеляи, фрн э ляндюэ
пднжсщ. Ёкдклн пттми, нсмпййдклнж йэияхинж, э мв боэй-
ёк дбтфжл езбизй олломл. Йлбгэ рруая — рн нпък оояес
бгсорбл, ё рнюжр онггяитхгмёг зсцё зкрднгркмвл, зсцё блёл-
лемлпсвз. П лвлмз орннммш — жмпгпвпмлг ммгаммыйн вд-
сгйэфзы, зюй э ред кмлбн ояе б язлбпэтзё нпкдфюк. Я п
ботаи пслонкщ — з пяйю бгувияужю аьещбэйя нпввцрар-
пазв зкрднгркмвл з мшрчджд сбводклнорз. Тягпвлмлпсё
б лаяижцёж ёлсводолнам (а хиясс, ля взоид ж пюй вяигд),
ёйз сбводклнорз а рповуд иязми-рн ёяпгз. Рэкъв онжюпльв
пвцджю э мозкжлэй я рвитквъ аьигжэлзь йэияхиз. Йэи-
яь-сл ряэжщ рнюлкмвл мвобэ р внсюлёлднбзфгрзми пзор-
дйми. Йлбгэ ю яьи нбжм, сл, лрклезя виюбксэ йзфжмзс, пн-
монямгёа ърн оякгд моёпакльйж нжсрюкэкз, лкг ющкл мэп-
слйызм зотпм, хсл ю аьтмгёй ёё псаежйэ й ёднияис, инпмплг
ющкл мэ рпгмв лвегр мёк ё бэлмлз, ж пюмугбэй, ннийосшаяь
оёпызми. \\\

Ну а теперь — снова к дискам. Они были музыкальные. Там была группа «Секрет». У них я, конечно же, отметил песню «Моя любовь живёт на пятом этаже», а также пентатоническую «Домой». Потом ещё какой-то диск был... Ещё был акустический фламенко-гитарист Армик. К нему попозже вернёмся. ...Вот такой, в общем, был дядя Серёжа. Не какие-то там «Ремиксы хитов группы Скутер» он слушал. Ну а главный диск — изначально, конечно, из-за названия — был

этот: Террариум — «Пятиугольный грех».

Отец такую музыку любил и знал. Он сказал, что на этом диске поёт какой-то Гребенщиков. Но там были ещё другие певцы. Один из голосов был тот, который часто можно было слышать по радио — блеющий Сплин.

Музыкально все композиции на этом диске были идеальные и гениальные. Но, если я хочу чтобы эта биография хоть отчасти была с оглядкой на научные принципы, я должен сделать пометку, что без контролируемого исследования (и именно как-то на одном мне и в том возрасте, и именно с определёнными критериями идеальности и гениальности, генезис которых, причём, будучи и в свою очередь хронологически исследованным, очищенным от вероятности возникновения их не заранее, а параллельно первому восприятию) я не могу заявлять, что эта музыка настолько удачно оказалась идеальной для меня (в смысле даже по моим критериям идеальности), что это не был всего лишь феномен «первой услышанной музыки», подозрения о котором я выражал уже ранее в своей биографии, когда писал о музыке из своих любимых фильмов. Ну, то есть, феномен того, что ту музыку, которую первую услышишь — вот её и её композиционное устройство и посчитаешь идеальным на всю жизнь. Лично я, конечно же, на сто процентов считаю, что эта музыка — Террариум и музыка из моих фильмов — именно удачно попала идеальная для моих вкусов, что мне реаль-

но именно повезло услышать её первой. Тем более, например, вот — был же диск группы Секрет, и оттуда я не услышал ничего цепляющего, кроме тех двух песен. Как и звучала отовсюду куча другой музыки по радио и из телевизора, и прошла она, тем не менее, мимо моих ушей, была воспринята пустой. Ну и бесконечные примеры такого же в будущем. Но, повторяю, для весомости моих заявлений о том, что мне повезло, должны быть исследования и эксперименты...

Просто насчёт музыки — это очень важная тема. Во взрослости я потерял последние шансы на социализацию из-за расхождения с людьми во вкусах, когда они не видели идеального в том, что я восторженно почитал. А я, тем более, обычно просто ненавидел то, что ценили другие люди — настолько там всё было далеко от моих композиционных идеалов. Я буду возвращаться к этой теме.

Этот диск стал саундтреком ко всему этому лету. Он не оставил равнодушной и Мурку. Она уже выросла, и у неё включились взрослые инстинкты. Она начала приходить на песни с этого диска. Начинала как будто искать кого-то, мяукать. Там часто были те слайдовые гитарные ноты. А у меня был ещё детский голос, и я мог очень высоко пищать. Это есть на видеокассете. У нас сформировалось такое развлечение: я уходил в другой конец квартиры, начинал так мяукать — и она прибегала ко мне через всю квартиру, или, если за-

крыть дверь, скреблась там и изводилась.

....

>>> Часть 36 текст 3. Ящерицы в маленькой комнате,, идиллии и садохизм с Муркой.

.....

А в маленькую комнату дверь теперь всегда была закрыта и запиралась затыканием на тряпку — в первые же поездки на дачу я припёр ящериц. Они жили в аквариуме на подоконнике. Одна зелёная ящерица была беременная, яйца прощупывались в брюхе.

Ранее в этом аквариуме весь год была земля, оставшаяся там с прошлого лета, и в ней там валялась какая-то фигня, похожая на косточку финика. И вот, может ещё зимой, я из интереса взял эту фигню и как-то её раздавил, что ли, и там была слизь. Это было явно что-то биологическое. Я вспомнил, что прошлым летом у меня пропала гусеница в этом аквариуме. Сообразил, что это была куколка. И где польза фундаментальных знаний? Третью жизненного времени, наверное, я к тому моменту уже выкинул на всяческое изучение теории — от нахождения в школе до залипания над своими энциклопедиями, — и всё оказалось абсолютно бесполезно. Я всё равно раздавливал куколки — я их либо не узнавал, либо уже забыл про них.

Балкон уже был всегда открыт, и Мурка полюбила туда выходить, а вскоре, каким-то образом, она прознала путь до пожарной лестницы там. Это ей надо было запрыгнуть на поручень нашего деревянного остекления балкона, дальше — вправо, по какой-то узкой кромке к железным конструкциям лестницы, и дальше спрыгивала там вниз на ржавый пол, где мы бы никак её не достали. Её видно было только если сильно высунуться с балкона. Ну и ещё эту лестницу, и как Мурка там лежит, было видно из средней комнаты. Это был пиздец — она могла сорваться, пока перелазила, и хер знает, почему мы это позволяли.

Мама постоянно с ней тискалась, она называла её Мура-му. А отец начал называть её Римма, и он ещё брал её руками за обе передние и за обе задние лапы, и двигал их, изображая её скачущей, подзвучивая «тугдук-тугдук». Она всё это не любила — когда ею играют — она была уже взрослая и интеллигентная. Играть она любила только тогда, когда сама захочет. И у нас постоянно были эти жестокие игры — жестокие в нашу сторону и сторону мебели. Она драла кресла, драла нам руки. У меня они были все в длинных царапинах. Но это были игры. Есть на кассете, тройка эпизодов. В одном из которых она на горчичном кресле с другой кошкой (я эту кошку упоминать не буду, не помню откуда она была, на неделю она откуда-то была, Мурка с ней постоянно тусовалась и играла). Ну и вот в видео на горчичном кресле, я

там показываю ей фигу... Вот — иллюстрирует моё отношение к ней... То есть, без жёстких издевательств, просто всё тоже, что и весь прошлый год — пугания, какие-то подкидывания её, разбегания на неё, как будто я её схвачу. И я бы и схватил. Но не бил бы. А просто, так запугав, в итоге заобнимал бы. Главный смысл запугиваний и подобных игр, хоть и вдохновлённый садохизмом, был в попытках воспитать у неё доверие ко мне. На эти пугания меня провоцировал сам факт того, что она меня боится — не мог я с этим ужиться, и слишком был одинокий и отцовский по отношению к ней, чтоб принять её просто за кошку, а не личность.

А ещё мы несколько раз выпускали из клетки Зосю и подружили её с Муркой. У меня в моей средней комнате ближе к двери стояла стопка из тех шести квадратных подушек, на которых я резвился в зале в четыре года. Когда Мурка с Зосей сошлись, они начали метаться друг за другом по комнате. Зося начала ещё издавать звук: «пввв». Наверное, она боялась, хоть и Мурка вряд ли бы накинлась, потому что боялась и сама. И вот, полазав по лестнице моего турника, Зося скакнула на те подушки, Мурка за ней, и там они начали по краю этой стопки лазать вокруг, как по стволу дерева. Мурка — на своих когтях, прямо как Зося. Это смотреть было целым аттракционом. И вскоре они уже точно не агрессивовали, и попривыкли друг к другу. Но Мурка, конечно, быстро выдыхалась, и в конце уже лежала на этих подушках, пока

Зося продолжала носиться, как ни в чём ни бывало. А этот звук «пвв» мы с мамой часто имитировали. По интонации он напоминал то, как выражают брезгливость словом «фу».

....

>>> Часть 36 текст 4. Кельтские мелодии и пентатоника,, на «Ниве» к грибному лесу,, загон по сигаретам и первый раз покурил.

.....

Кроме как в гимназию на «Ниве», мы почти не ездили — много жрала. Но теперь летом мы решили повыезжать втроем, куда-нибудь недалеко, в районе бабКлавиной дачи. Снова эти долгие сборки с мамой, а отец, как всегда, пока ждал, играл на гитаре и на пианино. Среди других, на гитаре он всё моё детство играл песню «Кто виноват, что ты устал». Прimitивная пентатоника, запомнившаяся на всю жизнь, неосознанно музыкально вдохновившая мою песню «Всё в дерьме» («Гокраф» в аббревиатурном варианте). Ещё всё моё детство он играл английскую народную мелодию «Анквайет грейв». У него была кассета Ричи Блэкмора. Это он считал, что это Ричи Блэкмор, но на самом деле это был альбом «Кельтик сикретс» Грега Джоя, который на российском рынке девяностых выставили как Ричи Блэкмора, и лишь в две тысячи восьмом, когда уже я сам давно буду увлекаться этим и разберусь, это выяснится. В описываемое время никаких

этих имён я не знал — никаких Ричи Блэкморов, ничего про кельтскую музыку, никаких слов «кельтский», вообще ничего из этого, и самой этой кассеты я не слышал за всё детство никогда, я слышал только вот эту мелодию, и даже лишь только её первую половину, которую отец любительски набрынчивал, и это было очень скучно. Но, тем не менее, даже она, с атмосферой летнего вечера, когда он обычно играл на гитаре в зале, и солнцем, садясь светившем на висящую у нас над пианино несуразную картину девы с цветочком в саду, всё-таки создала у меня на будущее ассоциативный ряд для понятия «кельтика». Кельтика и мелодии этого направления станут потом ассоциироваться с летним вечером и каким-нибудь зеленым садом. Подобное уже было двумя годами ранее — при мелодии Мортал Комбата.

Но главным музыкальным сопровождением всяких таких наших сборов и Льва Кассильной суеты был конечно же диск Террариум, или просто «Гребенщиков», как мы его называли. Он играл каждый день, и когда он играл, вся остальная музыка блекла. Во всех песнях этого диска то и дело были отхождения от диатоники — вот поэтому она была настолько обособленной от остальной музыки и в память врезающейся. А если уж была пентатоника, то тогда только самые стильные приёмы по ней. Это вот рецепт идеальных композиций.

Мы проехали мимо поворота на дачу дедов, потом шоссе идёт через речку Саратовка, а дальше там есть поворот

направо — и вот туда мы свернули. Там началась извилистая дорога в лесу, мы там останавливались, выходили, там, как помнится, росли ели, а под ними, в траве, — грибы. Потом мы проехали дальше и выехали на берег той самой речки. Тогда не было никаких интернетов и карт, и мне было супердофаминно там везде находиться: мне представлялось, что дальше эта речка вытекает в какие-нибудь болота, и там — миллионы ужей, гадов и прочего адреналина. И я сообщил, что та речка-ручей, питавшая овраг на даче, является ответвлением как раз вот этой большей речки, проходящим сзади лагеря Чайка, по низу того заросшего и, как казалось, очень ужиного леса, который я уже видел с той другой стороны. Ну, так и было на самом деле. И я дофаминил: раз уж не вдоль Амазонки, то тогда вдоль этой речки — пробраться в одиночку, со своей спортивной сумкой, с лупой, со всем снаряжением выживальщика — и выйти на другом конце леса как крутой.

В общем, тут был высокий берег, и мы спустились к воде, и я там сразу увидел ужа. Но я не поймал. Мы там просто походили, я, вроде, порыбачил на хлеб, и мы решили, что надо мне сюда приехать с дедом и порыбачить по-нормальному. А потом мы ещё поднимались и ходили в прилегающий, тоже еловый, лесок — там тоже были грибы, и мы решили, что туда надо приехать с тем моим справочником по грибам.

Вскоре мы съездили туда ещё раз специально по грибы, набрали каких-то — и дома впервые пожарили. В детстве я,

вроде, никогда не ел грибы — это была не наша тема, никто не разбирался. Мы не рисковали и собирали только какие-то явно шампиньоны и лисички. Я стал обожать грибы, но особенно я стал обожать маринованные грузди, которые я тоже в то время впервые попробовал — кто-то нам поддал банку. Только грибы у меня не переваривались и высерались в том же виде, в каком проглатывал, и я осознал, что это бесполезная для организма еда — в лесу на них не выжить.

В общем, там были грибные темы в те дни, и будут ещё, а также будут ещё поездки в то место на той речке.

По вечерам мы выходили втроём на прогулки в парк, на набережную. Для заныривания было ещё холодно — начало июня. В ларьке за трибуной на площади отец с мамой брали пиво в этих коричневых стеклянных бутылках, деньги за которые я уже ждал в своей копилке. Я уже постоянно рыскал по земле в поиске денег, ну а ещё меня стала привлекать тема сигарет. Я видел, их продают из таких ларьков поштучно. Я видел, что в некуренном состоянии их фильтры — белые. Мне их стало очень надо — для меня это был дофамин по взрослости.

Я уже всюю выходил на улицу один за кузнечиками, и в какой-то день я нашёл на улице в пачке одну некуренную и спрятал её дома. Это было суперпреступление, мне бы была очень жёсткая порка.

А потом я так явно помешался на сигаретах, что в итоге

отец решил купить, чтоб я дома искурил её — для развития. Мы были втроём вечером: он сидел в горчичном кресле, а я — на стуле за столом, и мы начали. Меня всего продрало. Я не помню, чтобы у меня закружилась голова. Видимо, я сделал несколько затяжек, а остальное докурил отец.

Маме это, конечно, не нравилось — плюс к тому, что она, в принципе, ненавидит всякую вонь, а уж тем более сигаретную.

А на следующий день у неё оказались какие-то дела в каком-то посёлке далеко по шоссе от Энгельса, в сторону той деревни Узморье, дальше железнодорожного моста. Я поехал с ней на «Ниве». Не настолько дикая, но всё же деревня. Там был какой-то дом и какая-то тётка, и, пока у мамы с ней были какие-то дела по чертежам, я пошёл гулять в близлежащие холмы и рощицы.

А с собой я припёр ту сигарету и спички. Было солнце, но холодно, и я спрятался на склоне какого-то оврага и зажёл её. Я думал, что я согреюсь за счёт курения. Я ни фи́га не согрелся. И я не помню, чтобы меня сильно шатало. Наверное, я снова бросил, не докурив, потому что всего, что связано с потерей контроля над организмом, я же нафиг боюсь. Как покурил — зажевал травой.

Там недалеко был низкий берег Волги, и вот я к ней подходил, и она была бескрайняя — километров шесть шириной, тёмно-синяя под чистым небом.

Тётка, с которой у мамы были дела, дала какую-то скowo-

роду, что ли, и мы уехали.

....

>>> Часть 36 текст 5. Детство у телевизора,,, куча дофамина но некуда деть,,,\\\\ ыплрнсюмпюжж,,, \\\\фильмы от дядьСерёжи и поездки.

.....

Я, в общем, не пошёл на детскую площадку с июня, как прошлым летом. Торчал дома — с ящерицами и перед телеком. Ну, это когда не был на Фрунзе и на даче с дедами. Слишком часто мне нужды на дачу ездить не было — ведь ящерицы были уже дома.

Одним утром я ходил в парк с банкой для кузнечиков. Какой-то пасмурный день. Посередине площади я встретил Аню с Алёной — они шли из музыкалки. Мы о чём-то коротко поговорили. Я, конечно, тоже показал, что не сижу без дела и занимаюсь хоть чем-то, но было осязаемое понимание, что, по сравнению с их скрипками и нотами, это, конечно, ни о чём: любой дурак может поймать ящериц и потом ходить в парк за кузнечиками.

Я мог выходить на улицу сколько захочу, но желания не было. У меня угасала мечта заводить игуану. После «Последнего героя» меня уже больше интересовала тема выживания

— адреналин нахождения в лесу среди этих гадов. Мне поэтому становилось достаточно даже нашего леса. Про Амазонку, и вместе с этим английский, забывалось. Скоростной велосипед — это, конечно, круто, но этого мне всё-таки не хватало для стимула копить деньги.

Это всё к тому, что я ещё не сильно уж прям горел желанием собирать и сдавать бутылки. Не было никакого дела, не было смысла. Я лежал у телевизора.

Примерно в то время я увидел комедию «Крысиные бега». Это был мой любимый жанр — как и «Итальянцы в России», как «Мумия» и прочие. Много персонажей, разные компании, у всех была цель и куча энтузиазма её преследовать. Вот это — жизнь, вот о таком я мечтал.

Я всё представлял, что я с Гужиком и Ариком, и мы замысливаем какой-то план, какую-то тему. Естественно, я сразу серил. Но я никогда не мог придумать, что это была бы за тема.

В «Крысиных бегах» была красотка-актриса, куча ржачных сцен. Я обожал такие комедии, где комичность была не в долбаной болтовне, которую я не понимал, а в ситуациях. Где одна, и без того безумная, сцена — типа как итальянцы гнались на пожарке и слазили с лестницы на крышу преследуемой машины с главной героиней, а она и не возражала, и не удивлялась — ведёт в другую, ещё более безумную ситуацию: что та пожарка потом, без водителя, протаранила на-

сквозь дом и вынесла на лестнице с другой стороны голую бабу в ванне. Как такое было придумать?

Я мечтал придумывать такие ситуации сам, делать такие сюжеты. Но ни хрена я не мог.

Каждый день я просыпался, надеялся, что что-то придумается, что-то вот-вот начнётся.

А негде было ничему начаться. Ящерицы и телевизор. Ящерицы и телевизор.

Я не был в той палате итальянцев, чтоб услышать про бриллианты, или в том казино, чтобы стать участником крысиной гонки. Дофамин переливал через край, а направить было не во что. Получалась какая-то дофаминовая депрессия.

Ещё в «Крысиных бегах» был актёр, который утонул в фильме «Американский оборотень в Париже». Этот фильм я тоже посмотрел примерно в то время. В нём самая запоминающаяся сцена для меня была та, где главный герой лежит и, насколько помню,//// рзоиявр ожрщиз рьяймчкгги ип-эпнпиз-юйпозощ. Лт ю ммслк лрйнцбэгс бкэёя — ё сэк пмс пйнжлво о дг рпояхлнж лэкйлз я жвойэйд, з мм арзмцёй, аь-моьалти цводе нзлн ж ряддюк.

Ю сёв след аняпэ унпгк мйэёяптьрь б иплаяпж о гван-финж, кюцёляи нющвнщбэры а йгцпюф нднгг пмлк ърт ннес, бгв нкю, янигд мошрмээ ё рйгкээ, пзбжс ля кмв. Йгмь нп ьпми пзпсяужз лд инндёёйн — ь бод вче лд ёмэй л алий-

ыхгл.

Онм ёвдё швинпиз ж мщсли ь жэяъяюк. Р ннордиъмшкз
пхвляйж ёё зжмл ьнмслтякряежз лннкяижжлабяюкёпы. \\\

Пока отец всё ходил в свой магазин, к нам днём стал снова заходить дядь Серёжа, как раньше.

На мамин день рождения он подарил кассету с фильмом «Шоколад» с Джонни Деппом. С ним я, кстати, видел фильм «Сонная Лощина» — он был вообще непонятный, но запомнилась сцена, как он вскрывал труп бабы, и на него прыснула кровь, и потом он сказал, что она была беременна. Про «Шоколад» — как-нибудь позже.

Дядь Серёжа проходил, как обычно, на кухню — и в горчичное кресло. Ему наливался суп, он комментировал: «Хороший суп», «Горячо», а когда мама потом предлагала подлить, он говорил: «Нет, спасибо. Изжога».

Я не знал, что такое изжога, хоть и у меня бывало как раз именно это. А про его изжогу мы с мамой вдвоём, когда, как мы любили, подшучивали над ним, говорили не «изжога», а «изжопа».

Я, кажется, в последние годы биографии не напоминал, почему кресло горчичное. У него крошился поролон из сидухи и сыпался на пол, на паркет. Там под ним ещё часто сидела Мурка — не зная, куда деться от жары или убегая от моих запугиваний — и она пачкалась в этой горчице.

Мурка ранее уже повадилась запрыгивать со стиральной

машинки на бесполезную вытяжку над плитой и там лежать, свесив хвост и наблюдая за происходящим на кухне.

И один раз, когда дядь Серёжа, проходя к горчичному креслу, остановился спиной к плите, она лапой цапнула его за лысину, зацепилась когтём, и потом там как будто даже взлетел какой-то клочок из его седеющего остатка волос (скорее всего, это была пыль с её лапы).

Он обиделся и надулся, а маму потом всю жизнь смешил этот случай.

У него уже была другая машина. Какая-то «мыльница» — так отец называл такие машины. Типа российской «десятки». Обтекаемая стилистика японского автопрома. Их стало появляться всё больше. Мы с отцом терпеть их не могли. Ну, только он терпеть не мог из-за ностальгии по ретро и ничего не имел против старых советских драндулетов. А я не любил и драндулеты. Мне нужна была элегантность Бэ-эм-вэ или агрессивная спортивность «Феррари».

На этой машине — после «Нивы», совсем как на картинге — дядь Серёжа нас повёз на «Голубое озеро». Я, на всякий случай, упоминал это озеро в прошлое лето, но, скорее всего, оно началось именно в это. Это снова в сторону дачи дедов, потом дальше — по шоссе до развязки, а потом — поворот к Новому мосту, и вот, не доезжая моста, с правой стороны, за дорожным ограждением, — там было это озеро.

Там был пляж и много машин, вода там была тёплая, и все уже купались. Озеро было большое и овальной формы

— это был песчаный карьер, который затопило вместе с экскаватором на дне. Видимо, очень глубокое. Там было очень быстро глубоко, можно было разбежаться, прыгнуть и нырнуть. Вода по какой-то причине казалась мутная и голубая — оттого и название.

Пластиковые полутора-двухлитровые бутылки распростирались только в последние года три, и если зимой я их плющил и скатывался на них с горки, то этим летом я повадился брать их две под мышки и плавать с ними, не изматываясь удерживанием себя на плаву, а главное — не боясь утонуть и сдохнуть.

Мы полюбили это озеро и решили сюда приезжать ещё. Когда возвращались по шоссе на скорости, ветер задувал в окно на лицо, и я не мог продохнуть.

....

>>> Часть 36 текст 6. Чудик Саня Крылов,, с отцом и пацанами на велосипеде,, на базар,, в аллергоцентр,, похороны в подъезде.

.....

Дома этим летом, вроде, я читал Урфин Джуса, которого любил и рекомендовал отец — тем более он заодно попадал в список для чтения на лето. Я его понимал и поэтому более-менее осилил. Но я прям ненавидел читать — и особенно такое, где нет никаких влюблённостей.

Больше всего я хотел прочесть «Коллекционера», но там было сложно, а когда начинался дневник Миранды — то вообще непонятно.

Ввиду того, что к отцу в магазин заходили разные чудаки, он обрстал соответствующими знакомыми — и с каких-то пор появился Саня Крылов. Ему было тридцать четыре, ровесник отца, но он казался сильно моложе, потому что он был чудик.

Когда я в будущем узнаю примерное значение слова «евнух», то этот Крылов будет первым, кто придёт на ум. Высокий голос, женсковатые манеры — хоть и обычная мужская внешность, темноволосый.//// Лт, нк ашй амлѐи \\\ — это я парой лет позже узнаю. Он был физически крепкий, добродушный, безотказный. Чуть позже мне расскажут, что он пел в хоре в ангельсском оперном театре своим фальцетом. Но любимой его деятельностью было то, что отец называл «охмурение бабушек». Он втирался в доверие к бабушкам, просачивался к ним в гости, и они отдавали ему разные вещи. Причём, как говорил отец, он ни в чём не разбирался — он брал всё. Какие-то ценные вещи Крылов безвозмездно отдавал ему. Те книги, которые отец собирал как макулатуру — тоже приходили от Крылова.

В следующие годы, когда буду ходить к отцу на его работы, я его часто буду видеть. И он ещё будет в биографии до юности.

В это лето отец, будучи водителем Нивы, хоть и не своей, и выглядя прям как настоящий глава семейства, был более уверенный в себе и бывал на Фрунзе чаще, чем в остальные годы. Там мы ему выкатывали из гаража тот большой чёрный велосипед, который мама когда-то мне купила ещё до Кросса, и ездили с ним вдвоём по дамбе и Энгельсу. Этот чёрный велосипед постоянно ломался, а один раз — прям конкретно, и тогда отец сказал: «Только маме не говори, но велосипед — говно».

Как-то раз я был на площади на велосипеде один, и я встретил какого-то пацана из первого класса — тоже на велосипеде, и с ним был ещё кто-то, — и мы полчаса ездили вместе и оттуда проехали на Персидскую, почти до Фрунзы. Там мы расстались и больше никогда не виделись. Это один из буквально десятка случаев на памяти за всё детство, чтоб я затусовался на улице с какими-нибудь пацанами, кроме моих основных двух приятелей — Артёма и Козлова (они будут позже).

С мамой и отцом как-то раз пошли на этот наш «колхозный базар». На подходе к этому базару, как я уже когда-то рассказывал, вдоль дома по адресу улица Саратовская, дом один, и дальше по бокам тротуара — располагались барахольщики. Я всё хотел приключений, и я там увидел книжку «Клады России». Мы купили её за какие-то копейки. Но я

всё откладывал её чтение: там не было картинок. Она стала стоять на полке просто как очередная книжка-пурген.

А на базаре, на главном угловом входе, возле ларька с пирожками и гуляшами, мне померещилась Катя Ильина. Хотя и было маловероятно, чтобы она чего-то забыла в Энгельсе — да ещё и тут: половина детей моего класса, наверное, не были в Энгельсе ни разу. Но всё равно, пока мы ходили по рядам, я высматривал — вдруг её увижу.

Кстати, тем летом — скорее всего, это было именно тем летом — мы с мамой ездили в саратовский алергоцентр по моей аллергии, и это было совсем недалеко от места Катиного дома. Только я не могу найти, где. По воспоминаниям и виду фасада он должен быть по адресу Бахметьевская, дом три, но сейчас там какая-то столовая — наверное, переехал.

Там была нестрашная процедура: нужно было просто дать руку, и на неё в ряд капали какие-то капли с аллергенами и смотрели: там, где покраснеет — на то и аллергия. У меня было на степные травы нашего региона, всякую полынь — мне всё рекомендовалось жить у моря.

Один раз, ближе к вечеру, нам позвонили в дверь. Мама открыла, а я сзади тоже в предбанник вышел. Какая-то тётка, соседка с какого-то этажа. Она сказала, что то ли у неё, то ли у её соседей — горе: кто-то умер. На что-то собирали деньги.

А потом я посмотрел вниз с балкона — и там приехал по-

ганный зелёный УАЗ «буханка», и из подъезда на носилках вынесли и погрузили мужика.

А через пару дней началось. Собралась куча народа, куча бабок и дедок. Труп, видимо, ранее в другой момент привезли и занесли обратно в квартиру, и теперь его вынесли уже в гробу. Мама была дома, и я не хотел показывать, что мне это интересно — и поэтому смотрел в основном из своей средней комнаты. Но я всё же вышел на балкон или как-то встал повыше — и всё-таки увидел.

Лицо — как кукольное. Темноволосый, снова как тот Кобзон из раннего детства. Гроб поставили прямо на скамейку, где всегда сидели бабки у двери в вонючую помойку внутри нашего дома. Вскоре приехал автобус ПАЗ со своей ебучей чёрной полосой, и его донесли к нему и вставили в салон через специальный люк сзади. Причём такой люк был и в обычных, не похоронных автобусах ПАЗ — как будто эту модель автобуса изначально спроектировали как похоронный.

Я не мог этого всего переварить. Если бы у меня не было родителей, то, наверное, мне было бы пофиг. Это именно родители и воображение их в таком гробу обуславливали несварение всего, что связано с похоронами. И не просто воображение, а знание, что это когда-то произойдёт.

Как можно жить с таким знанием? Как вообще можно жить со знанием, что умрёшь? Это были вопросы из тех, никакие ответы на которые не удовлетворяют.

После этих похорон несколько дней по всему подъезду и около него были растоптанные цветы, и было мразьно.

....

>>> Часть 36 текст 7. Короткая детская площадка в тридцать-третьей школе,,, Мурка съела ящериц,,, кидаю ножик,,, на Мостоотряд,,, на Фрунзе с ебучим пацаном порезался.

.....

Следующее воспоминание — одно из тех, с которым я долго не мог определить год — этот или предыдущий. Но почти точно этот.

Была какая-то странная — потому что непонятно зачем, если я мог просто сидеть дома — короткая эпопея с хождением на такую же детскую площадку, как и во Дворце пионеров, только теперь — в тридцать третьей школе.

Вот путь до неё как раз и пролегал через то место на Петровской, где оптовка, мимо которой был путь до репетитора английского. То есть мы выходили из подъезда Львы Касиля, дальше — вправо, вдоль подъездов, мимо котельной. Потом, после гаражей — влево, под бельевыми верёвками. Дальше, между хрущёвок — на Петровскую. Напротив детского сада переходили к оптовке. После оптовки — это уже напротив дома Козлова — заходили налево во двор другой хру-

щёвки. Тут снова какие-то трубы и котельная, очень в духе девяностых место. Снова гаражи и непонятность — что и кто там в проходах между гаражами.//// Бнямпёйнонь, хсл мэойл-кякщ. \\\Ну а дальше выходили на Тельмана, и впереди была прогулочная территория перед школой с памятником брату Пушкина, как отец его называл за несхожесть. Ну и вход в тридцать третью.

Тридцать третья устроена так. Входишь в главный холл — и тут по центру лестница наверх, на второй и третий этаж, и от этой лестницы — коридоры в четыре крыловые части школы, на конце каждого из которых — треугольное расширение: холл с дверьми в классы.

Наша группа детей базировалась в каком-то классе в одном из крыльев. В коридорах везде были растения в горшках, и меня они интересовали больше всего.

Я попал туда уже на середине срока этой площадки, может, уже к её концу — то есть в конце июня — и я там не прижился ни в какой компании вообще. Никого я там не знал, а ещё воспитатели — снова, как и при моей первой экскурсии по этой школе перед первым классом — были там какие-то недо-русские, какие-то армянки. И они, видимо, работали в другие сезоны простыми учителями в этой школе. И вот у них были манеры, такие, ангельские, деревенские и хабальные. Короче, не зря были все те восхваления Саратова и моей гимназии в противовес Энгельсу и всяким тридцать тре-

тьим.

Я ходил туда и про себя относился там и к взрослым, и к детям, как к говну.

В школе мы не сидели — каждый день нас выводили на улицу и куда-то вели. Это была та тема, как во втором детсаду нас пару раз водили. То есть, строем по улицам города, мы куда-то шли, переходили дороги, а машины стояли, терпели.

Не помню, сколько раз я туда ходил, потому что это было буквально несколько дней. Но в большинстве случаев вели нас прямо вот в тот двор за воротами, принадлежащий детскому кинотеатру «Ударник» на Театральной улице, который я прошлым летом упоминал, в котором было много зелени, возле которого ко мне доебались два шакала.

Теперь я попал внутрь. Мы проходили туда через здание «Ударника», а ворота никогда не открывались. Там было безлюдно — он был огорожен задними стенами зданий и полностью заросший зеленью. Под ногами, в траве, проступала старая плитка — это было как какое-то старое кладбище. Там было всё в плющах и винограде, и там была какая-то сцена для выступлений.

И я позже, когда уже знал про секс, часто фантазировал об уединении с кем-то в этом дворе.

Я, как всегда, там угрюмо ходил и ждал, когда же всё это закончится.

Ну а потом нас заводили ещё в «Ударник». Он ещё функционировал, и там показывали детские фильмы. Тут, конечно, уже всё было намного меньше, чем в кинотеатре на «Звёздных войнах», и фильмы, конечно, советские детские, скучные. Я там сидел где-то на заднем ряду.

Ни с кем я не общался, но там у нас был какой-то мелкий пацан с гнильцой, и он подошёл и сел рядом со мной. Он немного посидел, а потом снял свой ботинок и, ни с того ни с сего, вытряхнул из него на меня песок со словами: «Спасибо, мусорка».

Я потом сзади подошёл и как-то равноценно ему отомстил физически. Не помню уже как.

И ещё есть воспоминание. Но тут я совсем не уверен — с первой детской площадкой или вот этой, второй, — поэтому на всякий случай пусть будет с этой, в этом году.

Нас зачем-то водили на экскурсию в ангельсскую типографию. Это было на пересечении улицы Пушкина и Революционной, по которой мы иногда с мамой, для разнообразия, шли на Фрунзу, пройдя до туда с нашей Львы Кассиля через дворы детской больницы и выйдя на Пушкину, которая тогда была сплошным грязевым месивом, и на которой недалеко было индустриальное строение — мукомольная мельница.

В этой типографии были какие-то огромные печатные станки, зелёные стены, железные лестницы, атмосфера цеха, и в конце нас ещё кто-то спрашивал, хотим ли мы там рабо-

тать. Ответ был очевиден.

На этом — конец воспоминаний этой второй детской площадки. Точно несколько дней, не дольше.

Беременная ящерица родила свои яйца — несколько штук, — а дальше я не знал, что делать. Несмотря на то что я про них кучу лет уже читал, я умудрялся вообще ничего не знать. Я вот только сейчас узнал, что они живут по несколько лет. А тогда, я помню, мне казалось, что они вообще живут один сезон — и всё. Зимой были морозы минус двадцать пять. Я не верил, что эти ящерицы — которые, стоит прийти едва прохладным дням, а их уже нет — могли пережить такую зиму.

Всему, что я читал в книгах, я как будто не верил — на меня никак не действовала информация в виде текста, я его просто пробегал глазами, а потом всё равно воспринимал всё по-своему.

Плюс я, конечно, ничего ещё не знал про секс и про репродуктивные биологические системы — я вообще не понимал, как это происходит, что такое яйца и так далее. Эти яйца, короче, просто сбоку стали в аквариуме лежать, а к концу лета я, по-моему, просто выкинул их — да и всё, решив, что ничего из них не вылупится.

Я закрывал проклятую дверь от Мурки, затыкал этой тряпкой, а аквариум на всякий случай накрывал по размеру вырезанным оргстеклом, не достигающим до конца — для воздуха.

И тем не менее всё равно произошёл какой-то инцидент с дверью и Муркой — и они все исчезли. Вот тогда я побил Мурку, должно быть, первый раз. Была истерика.

В маленькой комнате были какие-то мои книжные полки из детства, и я надеялся, что хоть какие-то из нескольких ящериц были под ними. Хотя они могли быть где угодно в квартире, потому что под дверью всё равно была щель. Но вскоре я поймал в маленькой комнате ящерицу без хвоста — она и впрямь, значит, была под той стенкой. А ещё чуть позже появилась вонь гниения — там сдохла ещё какая-то ящерица.

Я, в общем, уже не помню, как именно всё было, но была ещё какая-то хрень, связанная с тем, что я как будто, когда передвигал, чтобы найти, — раздавил этой стенкой то ли живую, то ли уже труп ящерицы. Херня, в общем, полная.

А бесхвостую ящерицу я отвёз на дачу и отпустил. На Льве Кассиля стало пока без рептилий.

На Фрунзе был маленький кухонный ножик, и я увлёкся киданием его в деревянный забор со стороны улицы. Поду-

мал, может, хоть в этом стану крутым, буду как в фильмах. Сначала я кидал его, держа за ручку, но вскоре понял, что лучше — за лезвие. Ни хрена не получилось и в этом. Если дистанция была такая, что нож должен был перевернуться больше чем на сто восемьдесят градусов, то это было всегда казино. Начавшись как развитие навыка, в итоге кидание ножа перешло просто в азартную игру, в которую было невозможно остановиться играть. Если он втыкался — то хотелось кинуть ещё: вдруг воткнётся снова и будет основание думать, что навык осваивается. А если не втыкался — то тем более хотелось кинуть ещё. Забор был крашеный, и я его быстро искоцал, а также я достал шумом, и бабКлава скоро запретила.

Дома на Льве Кассиля у нас был распространённый советский набор ножей с белыми пластмассовыми ручками, и там были два маленьких ножика, один из которых был для грязных нужд — типа затыкания окон, что мы после моего раннего детства больше никогда не делали, и окна просто никогда не открывались, — а другой — тот, которым мама мучилась чистить картошку тем своим дурацким способом, а сам ножик был уже настолько тупой, что по нормальному им — только масло резать. И из-за лёгкой пластиковой ручки эти маленькие ножики для метания не годились. И вот один раз я был с мамой на ярмарке, и я уговорил её купить мне ножик с деревянной ручкой. Я начал с ним везде носиться.

Несколько раз я кинул и воткнул его в свою боксёрскую грушу. Я её никогда, кроме как в первый год в раннем детстве, не боксировал, как, впрочем, и весь турник не служил уже ничем, кроме вешалки и//// цдора вкь гнмцзж. \\\

В момент этих киданий в грушу у меня, как помню, было чувство садохизма. Я не хотел её портить — она была маминым подарком, — но я не мог устоять, и потом я наверняка//// пгнюёаяи мэ ьмл ед ртнлззг ё сльызм пюй свлкнкж-коэ. Ан арв зкфзбгмпщ оюглузека с йгмь мэхзкюкл рлпяпъ йгёбс кмв. \\\

На другой день мы с мамой с этим ножом пошли в лес на Мостоотряд. По озеру плавали на байдарках — там была местная спортшкола по этому делу. Мы дошли до самого конца озера. Там паслись козы из прилегающего района частных домов перед Волгой, а с высокого берега там я, как всегда, смотрел на Саратов и думал о Кате и остальных.

А потом оттуда мы пошли вглубь леса — опять в сторону нашего болота — и по пути было дерево с огромным стволом. Я отошёл от него метров на двадцать, кинул в него нож — и он с первого же раза воткнулся. Я офигел. Но я больше так и не смог это повторить. А сам этот первый бросок, хер знает почему, у меня в будущем начнёт всю жизнь ассоциироваться с группой «Металлика», хотя я тогда о ней и не слышал.

Потом с этим ножом, может, в этот же день после леса, мы приехали к вечеру на Фрунзу, и там откуда-то пришёл и ошивался какой-то пацан. Опять нерусский, а мне что-то не везло с нерусскими. Он тусил прямо на нашей скамейке у дома, там с ним была Аня или Алина.

Но я был одержим ножом, и я выпросил у бабКлавы снова немного покидать в забор.

И я совсем недолго кидал, как этот пацан, естественно, захотел тоже, а я не хотел растрачивать и без того лимитированную возможность побросать — и я ему не давал.

Но тогда он подловил момент, когда я отошёл подальше, а нож отлетел от забора на землю — и он кинулся к нему. Я — тоже. Мы стали за него бороться.

И в итоге я порезался и, разревевшись, забежал в дом промывать под краном. Пока этот пацан, сука, там бросал мой нож — и пока мама не вышла и не забрала.

....

>>> Часть 36 текст 8. Фрунзенские семейные темы,, начал читать Короля Артура,, велосипедное ДТП с дебилами,, с Аней в поликлинику,, навязался книгой Ане,, конец Ани и Алёны.

.....

Я стал больше жить на Фрунзе. Тут дед стал совсем молчаливым. Он и раньше лежал целыми днями на своём диване, а теперь совсем. Заговорили о каком-то СХИ — так назывался район с частными домами вдоль Волги в том месте, где был поворот с шоссе на дачу. Там была какая-то тётка, и бабКлава, как я понимал, её ненавидела. Ну то есть это была та некая любовница деда со времён его работы. Вместе с этим, как будто заподозрив начало какой-нибудь движухи, на Фрунзе стал ошиваться мамин брат Валера.

Напомню из своей предыстории — дом на Фрунзе строился во времена, когда тут жили обе семьи: и бабКлава с дедом, и брат бабКлавы — Гриша, чьей женой была тётя Люся, и их сын — этот Валера. Потом Гриша умер, а тётя Люся ушла в ту квартиру в хрущёвке на Мелиорации с Валерой, а Валере бабКлава дала денежную компенсацию, чтоб не имел претензий на дом. Но, как я помню из уже забываемой и мною самим истории, деньги у Валеры обесценились во времена развала ЭС ЭС ЭС ЭР, и он снова жаждал тут что-то захватить, из-за чего между ним и мамой была напряжённость. Я не знал и не понимал всех этих мотивов тогда, но замечал эту напряжённость по мелким признакам. Да и сам Валера был подозрительный: он был шутливый и любезный, но как торгош — выискивающий выгоду.

Я стал посиживать на кресле — аналоге горчичного, только в хорошем состоянии, — который тут на Фрунзе служил

для гостей, как раз типа Валеры. И стояло оно — возле отделения с книжками. И я наконец взял «Короля Артура».

Там была вся эта классическая легенда про Артура — вариант для детей. Я ненавидел читать, ненавидел пробирать-ся через текст — это было очень сложно и неинтересно. Но у меня вертелся в башке отец, талдычащий про то, что нужно читать книги, и вбитый им же и другими взрослыми стереотип о том, что девочки любят читающих умных мальчиков. Я пытался увлечься, убеждал себя, что мне это интересно. Ходил с этой книжкой с утра до ночи. Я читал её только благодаря картинкам — хоть какой-то возможности представить, о чём это. Там были хорошие иллюстрации российского иллюстратора — с правильными пропорциями, как я любил. А больше всего мне нравилась обложка: Артур на белом коне, чёрная надпись с названием книги почти готическим шрифтом, а на фоне — в пурпурных и фиолетовых тонах — замок в закате. Это всё очень ассоциировалось с детством, с этими закатами тут на Фрунзе, со всем моим началом и теми днями, когда я первый раз видел эту книгу. Ну и, конечно же, с Гераклом, Зеной и Конаном, которых я тут на Фрунзе смотрел. Мне главное были связи и ассоциации с прошлым. Дела мне не было ни до каких Граалей и Ланселотов.

Те дни были ещё днями поликлиники. Но не частыми и не анализы, а просто ходить на те процедуры, про которые я рассказывал — то подышать над чем-то, то полежать с элект-

трическими присосками. Один раз я ездил с Фрунзы до поликлиники на велосипеде один — видимо, я там встречался с мамой, чтобы пройти на эти процедуры. Потом мама пошла домой, а я поехал обратно на Фрунзу. И когда я ехал по Персидской ближе к первому склону этой улицы, там впереди — в ту же сторону, что и я — медленно ехали на велосипеде два пацана: один — обычно, а другой — сидя на раме. Это были пацаны в духе тех двух на Фрунзе: дерзкий дурачок младший и ссыкливый дебил старший. И, когда я подъезжал к ним, а я ехал быстро, то этот старший — он был за рулём — у ворот дома номер восемьдесят, оглядываясь назад и увидев, что я сейчас пронесусь мимо них, и там ещё и склон, начал специально поворачивать поперёк дороги, чтоб оказаться на моём пути. Когда я был уже метрах в четырёх, он начал сигналить звонком у себя на руле. Это вот такое дерьмо: типа раз в правилах дорожного движения передний всегда прав — он хотел, чтоб весь мир, значит, подстроился под его поворот. Я нисколько не жалел, что, улетев через них вперёд на асфальт, разодрал себе колени и ладони. Этому придурку зато хорошо дало рулём в дых, и, пока я уже доставал свой велосипед, он держался руками и что-то, задыхаясь, кричал, а мелкий тоже лежал с ранениями. Я не расплакался и чувствовал себя отлично, вернулся на Фрунзу, наклеил пластыри — и мы чем-то занимались с девочками.

А потом в другой день снова нужно было идти в поликли-

нику — совсем уже ближе к вечеру, когда там уже никого почти нет, и работают только какие-то процедурные кабинеты. И меня с Фрунзы отправили туда сходить с Аней Гавелой. Мы пошли по Персидской, и всю дорогу о чём-то болтали. Ей было примерно двенадцать лет. Через две дороги с машинами мы даже держались за руку. Для меня это был супермомент — наконец-то с ней вдвоём и как взрослые. В тот день были электрические присоски, и она сидела, ждала на деревянных стульях в коридоре. А обратно мы, вроде, заходили в магазин «Лилия» за какой-нибудь конфетой или жвачкой. Туда-обратно — полтора часа счастья.

«Король Артур» шёл очень тяжело — я ничего не запомнил, кроме как один момент про какого-то рыцаря, слёгшего с сильным ранением, и что потом он встал, и у него разошлись раны, и он снова упал. Я думал про мамино кесарево сечение, про всю эту хирургическую херь и мои фобии. Это ещё был вечер, и я, мучаясь, читая это, ходил из зала в среднюю комнату и обратно — мимо холодильника, о торчащую железку из-за которого я когда-то рассёк себе ногу.

Но «Король Артур» всё же отпечатывался во мне тем, что он завершал и навсегда утверждал этот ассоциативный ряд: Геракл, Зена, Конан, мечи, замки, закаты и горы вдалеке. На четыре года это всё у меня уйдёт в спячку, чтоб потом пробудиться так, что аж связаться с главными ценностями.

А под конец в эти ассоциации примешалось ещё и серое

небо. Один из тех дней был сухой, но с серым небом перед дождём. Июль, но была как будто осень и Скайрим. Я сидел на скамейке перед домом, а рядом были все девочки, занимавшиеся какими-то своими, уже не интересовавшими меня, девчачьими занятиями. Я водил глазами по главе про Леди Озера. Я уже понял, что это всё — в какой-то стране, где как раз часто вот такая же пасмурность. И в этот момент Аня, как и когда-то, спросила: «Что ты там такое читаешь? Дай посмотрю». Я для этого и сидел рядом с ними с этой книгой. Она посмотрела, покивала и отдала.

Это — последнее воспоминание с Аней Гавелой, Аней с Фрунзы. Продлившейся в моей истории, начиная с того момента нашего знакомства в мои четыре года у их черешни, — пять лет. Она у меня сформировала тягу к темноволосым, знающим английский язык, физически активным гуманитарным ботаничкам. Несколькими годами позже мама рассказывала, что у неё был парень, а ещё — что она стала страшная лицом. Ну, маме, в принципе, не нравится такой тип, как их семья. Аня, по моим воспоминаниям (я потом её уже не видел), была типа Гектора из фильма «Троя» и кудрявая. Мне нравилась.

Алёна, её сестра, младше меня на пару лет, тоже кончается этим летом. Когда мне было уже двадцать восемь, и я без конца смотрел девушек в «ВКонтакте», я часто видел одну Алёну, которая была как будто той самой Алёной с Фрунзы и как раз подходила возрастом — только у неё была другая

фамилия. Она прям очень красивая (ну, та девушка). Она была из тусовки саратовской, ходившей по//// жмурнаояйлъй аэояй\\\\, молодёжи. Я спрашивал её с пары страниц, но она ничего не отвечала и блокировала. Но я мог и ошибиться.

Аню я тоже не нашёл. Я так и не понял, как точно пишется их фамилия. Отец шутил — называл их Гастелло.

..

___ Часть 37.

....

>>> Часть 37 текст 1. ////Ъонпжцвпйёг нмлэль\\\\,, пой- мал ужа домой,, как Рэмбо,, в доме зверинец,, ссора мамы с отцом и битьё посуды,, уж уполз и сдох.

.....

В дни, когда я читал Артура, кто-то принёс на Фрунзу мягкую книжечку в розовой обложке. Таких книжек было полно везде, они продавались даже в киосках, отец их за литературу не воспринимал, хотя они были взрослые: картинка была только на обложке, а внутри — один текст. А на обложках всегда была какая-то романтика.//// А ърн апвкю э рпкшщяи римбл ьнмсёия. Йкжвэ квеяию кю змллвд, гвв вд яёюи з нплхзпюк ге ёя мгёл бгмщ, идёэ мэ гёаякг — онэл с

йгмь мэ виюжэу. Э лтзагк, цпм ймёкм пшй яьорпл онмцёря-
пъ угкръ злзас. Э ймв нплгаэрыоэ о гвпюпъэ пснюмёфяйж
ягрщ гвлы. Лэжя ннпмл пн кмлз ммгокдъйяоъ, хсл, ймк, гвв
фжсэгс ыплрззс. \\\Мне было пока непонятно, что весёлого.
Разве что я понимал, что эти книги рассчитаны на женщин.

Потом мы с дедом ездили вдвоём рыбачить, включая в то место, куда мы ездили с мамой и отцом. Было пасмурно, а ещё вдалеке в камышах были птицы, и дед рассказывал что-то про охоту и приманки — те резиновые утки, которые продавались в магазине «Охота и рыбалка», который был в центре Энгельса, где тридцать третья школа — в доме Горького, сорок семь. В те времена мы периодически с мамой туда заходили — там были ножи, бинокли, огромные рюкзаки — всё, о чём я мечтал, и всё — дорого. А ещё был отдельный зал, и там были ружья, но туда мы не заходили.

Как снова жара — мы с мамой и с дедом снова поехали на дачу. Как и прошлым летом, я там без конца ходил по оврагу и тем речкам, ностальгируя о всём подряд, вспоминая школу и напевая песню «Унеси меня, река». Я уже не ловил ящериц. Но вскоре, где-то там, я поймал ужа. И всё — я его припёр на Льву Кассиля.

Я не стал сажать ужа ни в какой аквариум, я просто подоткнул щель под дверь тряпками, а ужа пустил в свободное ползание между горшками с монстерами и другой хреню. Я

ещё взял пластиковый таз, налил туда воды и набросал травы — чтоб он залазил и плавал в этом гнилье. Этот таз, кажется, вот до сих пор стоит тут, где я сейчас живу — я в нём стираю.

Первые дни всё было нормально — он там лазил, впервые настоящая экзотика. Белке Зосе я уже почти не уделял внимания, только кормил её.

С мамой мы ходили на те процедуры, и в конце концов была последняя, и в этот день наша участковая уходила в отпуск. Выйдя из поликлиники, мы шли с ней по пути в сторону церкви в детском парке, и попрощались. Мама с ней любезничала. Вся та тема — про растить медкарточку для армии.

Емельяновы достроили свой дом по адресу Персидская, сорок три, до жилого состояния и переехали туда. Он был всегда по нашему пути на Фрунзу, и пару раз мама заходила к ним во двор по связанным с земельными документами делам, а я ждал. У Саши был скоростной велосипед с задним амортизатором, он теперь ездил по этой скучной Персидской. Он тут сразу влился в компании местных детей — я видел. Я уже с ним даже не здоровался. Но он, видимо, делал ревизию своих кассет, и моя мама как-то раз попросила дать ей кассету, которую мне давала тётя Вера, и я отдал — и на этом был конец Мортал Комбата, я не увижу этот сериал двадцать лет, пока не начну автобиографию.

Потом я снова ездил на дачу, и я там воображал себя в экспедиции в экстремальных условиях: делал себе маршруты, по какому-то дереву мне надо было пролезть, в каком-то месте перепрыгнуть ручей, где-то — специально промочить ботинки, как в реальных условиях, и так далее. И один раз там, внизу, в овраге, в том месте, где росли деревья, я увидел огромного ужа. Какой-то «папа уж». Он скользнул с берега в воду, там было течение, его по нему понесло, и дальше он прибил к другому берегу. И я как раз перепрыгнул ручей, и там его поймал. Метра полтора в длину, тяжёлый, весь старый и серый — он даже не мог подняться туловищем, чтоб обвиться об руку, как молодые ужи. Я припёр его на участок — показать дедам и маме. Но, конечно, такого везти домой было не нужно, и поэтому я отнёс его обратно и отпустил.

Так же в то лето я заходил совсем далеко вверх по течению этой реки, и там был тот лес за лагерем Чайка, река вытекала из него, и если бы пойти дальше, то атмосфера, в моём представлении, была как в фильме «Рэмбо», который я в то время недавно посмотрел по телевизору. Ну, за исключением того, что никаких папоротников, конечно, не было.

Один раз я там, на даче, посрал — как всегда с детства — под грушей на нашем участке. А потом, спустя какое-то время, пришёл туда снова, посмотрел на говно, и я думал, что на него прилетела ветка, но она двигалась, и это был какой-то никогда невиданный мною жук, какой-то палочник.

Я даже не помнил такого из своих энциклопедий. Если бы я увидел его в другой ситуации, я бы наверняка, как и всякого богомола, взял бы его домой. Но мне было мерзко от мысли, что он на говне, и я даже не стал им интересоваться, и ушёл.

Во дворе на Фрунзе, в маленькой клумбе вдоль гаража на цветах, я увидел и поймал богомола — второй раз за жизнь.

Мы кочевали с мамой между Фрунзой и Львой Кассиля — на Фрунзе же было негде мыться. Я тогда, конечно, вообще за собой не следил — у меня под ногтями была земля, ноги грязные, по всей квартире на полу была земля из моего зоопарка, а я бегал босиком, и я даже не думал ни о чём, когда ложился с такими ногами в постель. Но у меня никогда не чесалась жопа, никогда в поликлинике не звучало слово «острицы» или «гельминтоз». Может, в те счастливые и активные месяцы я как раз не ковырял и не грыз заусенцы.

Вечером с Львы Кассиля мы втроём ходили на набережную — гулять и купаться на бетонном спуске — и я был с пакетом и собирал пустые пивные бутылки. Я их копил и складировал в предбаннике, а отец туда добавлял выпитые им с мамой.

И в один из тех дней они там, на кухне, поругались. Они вообще там часто повышали голос — отец любил повышать. Но не злобно — он просто вечно отчитывал её за «кулугурскость», поучал, а она отчитывала его. Только за что она и как — я уже не помню. Заканчивалось обычно нормально —

и даже с ржачем у них там, и хорошим настроением. А тут — что-то редкое. Было как-то связано с прозрачными стаканами, в которые мы наливали сок. Это было в духе того, как отец в прошлом уронил и разбил нечаянно новый унитаз. Или — более лучшая аналогия — как он в каком-то году не стал заморачиваться с какими-то пищевыми отходами и выкинул вместе с ними ложку из набора ложек и вилок, которыми мы всю жизнь ели, который мама привезла из поездки в Ригу в её молодости — и там даже на всех было написано «Рига». В принципе, в квартире почти всё было мамино. Как и вот эти бокалы. Что-то случилось с этим бокалом по вине отца. Я зашёл на кухню к тому моменту. И мама была явно на взводе, и, чтоб разрядиться, она просто взяла и спокойно кинула на плитку отцовскую гранённую пивную кружку. Он из неё пил всё моё детство. Он выглядел незнающим, как реагировать. Ну, потом было всё спокойно.

Скорее всего, примерно после этой кружки он уехал на неделю или две. Вообще, он часто уезжал на сколько-то дней. А уезжал он — в смысле к бабВале. Больше ему и некуда было ехать.

Ужу в первые дни я привозил лягушку, но он не стал есть. А теперь он прожил уже дней десять или больше, и я поймал ему на даче ещё одну. Дед привёз нас до Львы Кассиля, и это было к вечеру. Я зашёл в маленькую комнату и кинул

ему её в его таз. Я думал, опять ничего не произойдёт. Но он накинудся, и она как по маслу под водой в него сразу ушла. Я кричал маме, хотел, чтоб она посмотрела, но она была в ванне.

А потом что-то произошло с долбаной тряпкой под дверью — и уж исчез из комнаты. Сразу возле двери из этой маленькой комнаты была щель за книжной стенкой, как нора, и я думал, может, он уполз туда. Я светил, но ничего было не видно. Мурка его съесть всего тоже не могла бы. Он мог быть где угодно. Но за несколько дней он нигде не объявился, и мы решили, что он выполз из квартиры в подъезд или упал с балкона, или хер знает, короче, что. Поэтому, когда через неделю маминому носу завоняло газом, она даже не подумала ничего и сразу вызвала газовщиков.

Пришёл мужик. Я ошивался рядом, сел в горчичное кресло. Чтобы подступиться к плите, проще было отодвинуть тумбочку с выдвижными ящиками. Но к той минуте, в принципе, уже по мухе, норовившей залезть под эту тумбочку, было понятно, что там — труп. Они отодвинули тумбочку — и там он лежал. Я взял его пакетом и понёс выкидывать в мусорную трубу. На нём не было ещё никаких опарышей.

....

>>> Часть 37 текст 2. Частые ТётьКатя,, дядяСерёжа,, Артём из детсада основное,, на пляж с Неспешными.

.....

На даче я уже начинал скучать — мне надоел этот овраг и ящерицы. Там начинались абрикосы, и я лазил, собирал по этому дереву, которое было на нашем участке. Пытался съесть какую-то смолу... Вкус детства. Внизу, сбоку, в начале треугольного края нашего участка, по всему которому росла картошка и на которой тусовались колорадские жуки, тут было ровное место с просто сухой землёй. Я начал тут резвиться, делать колесо — единственное, что я умел из акробатики. Падать было не больно — даже мягче, чем песок. Земля сухая, нагретая.

Я больше не мог терпеть этот позор, я обезумел, разбежался и сделал переворот вперёд, как Ерокин. У меня получилось — я приземлился на обе ноги. Я крикнул себе: «Я — Ерокин!», и начал ликовать. Я позвал бабу, чтоб показать, и сделал ещё раз. Начал носиться по огороду, весь возбуждённый, и делать этот переворот без конца.

Ближе к августу начинают наваливаться много персонажей. Отец уже снова был с нами. На Фрунзе Валера со своими сыновьями частил. На Льве Кассиля приехали Неспешные. С мамой в разговорах появилась секретарша дядь Серёжи из моего раннего детства — тётъ Катя. Днём к нам заходил и сам дядя Серёжа.

Мне было понятно, что отец и дядя Серёжа — люди несовместимые, они никогда не встречались. Дядя Серёжа приходил днём, когда отца не было. Я уже выстроил детское представление о маминой связи до меня с дядей Серёжей. Уже задумывался на темы «кто кого по-настоящему любит», «ревность», «измены».

Но один раз дядя Серёжа, посидев у нас на кухне, уже собрался и выходил из дверей, как с другой стороны от лифта заходил отец. По-моему, они просто сказали: «Здрасте» друг другу — и дядя Серёжа ушёл. Мы потом с ним ехали на Голубое озеро или куда-то, и мама обговаривала с ним это. Она говорила: «Ну подумаешь, увиделись». Дядя Серёжа дулся, как он умел. Усы как у моржа.

А с отцом и мамой дома я тоже поднял эту тему, спросил у него: «А ты же видел дядю Серёжу?». Он сказал: «Да, видел я этого индюка». Больше они никогда в жизни не встречались лицом к лицу.

Этим летом, идя с мамой по дамбе, мы встретились с моим компаньоном из первого детского сада — Артёмом Овodom и его мамой, тётъ Таней. Артём по-прежнему был на голову ниже меня. Это была тема у них, ну, в смысле — больная для него. Моя мама мне потом говорила, что они пробовали какие-то гормональные препараты для роста — в об-

щем, борьба там была, типа как у нас с моей аллергией и пи-сечными резями.

Артём был темноволосый, как мой дед, конопатый и с се-рыми глазами. У них был приезжающий, кажется, из како-го-то посёлка отец. И было что-то связанное с гитарой. Чуть ли не то, что Артём пробовал осваивать классическую гита-ру. В то время мы дома на Кенвуде ещё включали Армика. Но потом я не помню больше никакой связи Артёма и гита-ры.

Мама его работала уборщицей в десятой школе на Теле-графной — это где моя мама училась в детстве. Да они, мо-жет, и вообще знали друг друга со школы — мама и тётъ Та-ня, в смысле. Тётъ Таня не курила, не пила и не была никакой злобной — у моей мамы с ней не было разногласий никогда, хоть и особо близко они не сходились. Потому что с тётъ Ле-ной, например, мама сходилась ближе — в смысле, напри-мер, мама ей как-то прям помогала и выручала — и в то же время у них был в будущем разлад, что они даже не здоро-вались. Лена была эмоциональная, а Таня — поспокойнее. Артём тоже учился в десятой школе.

Жил Артём с мамой и со своим дедом — отцом мамы — в половине дома (так же как тётъ Лена с Машей) между деся-той школой и дамбой — примерно улица Дубовская, дом де-вяносто девять. Тоже — сортир на улице, а во дворе, в будке, какой-то злой пёс, которого они держали, когда мы, начиная с этого лета, стали бывать у них дома. Дед там пил — тогда я

узнал слово «самогон». Там было три комнаты для каждого. Артём, кажется, спал в главной комнате, в зале, а обеденный стол у них стоял прямо в прихожей.

Я не хочу запоздать с воспоминанием — наверное, в это описываемое лето, в первый же визит к ним в гости, тётя Таня, хвалясь, рассказала, что Артём поймал утку во дворе десятой школы, и они её съели. В десятой школе двор кончался болотом, и там даже была отстойная вода, а на другой стороне были огороды домов, которые фасадами выходят на Персидскую. Вот, видимо, та утка была из тех дворов. Ну, а ещё тётя Таня, в принципе, занималась тем, что чистила кур от перьев — как-то раз потом я видел там, в их сенях или на крыльце, везде перья и даже кровь. В общем, эта Таня была из тех, кто вот это всё мог.

Сам Артём стремился быть ещё более могущим, чем мать — у него был этот инстинкт сына-добытчика. Как тот сын в пушкинской сказке про царя Гвидона. Артём был не «маменькин сынок», сидящий дома у телевизора. У него и приставки не было никакой или компьютера. Ну, они были беднота прям жёсткая, конечно. Но ему как будто это и не сильно было бы надо. Он бы скорее вот пошёл ловить утку, рыбачить. Ну, или, наверняка, водился с какими-нибудь пацанами с его улиц. Он там даже водился до сих пор с тем самым Антоном Косаревым из самого начала моего первого детского сада, который жил там, напротив десятой школы. Косаре-

ва я никогда не увижу, и он не будет фигурировать в моей биографии. Только во взрослости мама, знавшая его маму (в связи опять же с оформлением её земельных документов), расскажет про него пару мелочей.

Артём, в общем, был во многих вещах опытней меня. Но я ему не завидовал никогда — мне те вещи, в которых он меня превосходил, были не важны, а «маменькиным сынком», учитывая, что у меня были компаньоны везде, я себя уже не чувствовал. Ну а главное — он никогда не был каким-нибудь злобным или завистливым сам. Был всегда полон приколов и на позитиве. Наравне потом с Никитой Козловым, он был единственным, кого я бы мог назвать другом и, в принципе, главным живым компаньоном за все мои ровно двенадцать лет живой социализации в жизни. Он на год старше меня.

Мы с ними стали встречаться для купаний — они купались не в центре, а в районе их дома, где улица Рабочая, заканчиваясь большими дорогами коттеджами, упирается в дамбу. Там, внизу, было место без крупных булыжников, и можно было зайти в воду, не сломав ноги. Мы плавали и все вчетвером, но чаще мамы сидели, а я и Артём — в воде.

И вот как-то раз потом мы зачем-то пошли вчетвером все к нам на Фрунзу, и, подходя к нашему дому, я там Артёму показал Алину, как раз сидевшую возле её дома внизу — я ему уже рассказывал про неё, и что отсталая — и вот он тогда показал ей средний палец, думая, что она совсем не

понимает. Я сказал, что не надо. Он был более дерзкий, чем я.

Но этим летом — это, наверное, пока всё про Артёма. Не запомнилось, чтоб они приходили к нам в гости в квартиру, но, скорее всего, приходили — мы всем показывали Зосю.

Точно приходили Неспешные. Я помню, что мне уже было скучно с Зосей. Я уже не ревновал её к гостям. То есть если бы ранее я не мог отсутствовать в момент, когда гости находились бы возле моего питомца, то теперь я легко уходил в зал или маленькую комнату — а гости пусть забавляются с белкой сколько влезет там сами. Так же и с Муркой — она типа уже выросла, и поэтому пусть её тискают кто хочет.

С Неспешными мы ходили на пляж. Я вот теперь точно уже пугал Лидушку. Садохистское начало этого занятия было уже только в самой глубине, а на поверхности была гопническая забава — тем механизмом, что я, пугая её, как бы воображал себя с мальчишками и как бы мы компанейски с ней забавлялись, и нас бы это объединяло. Лидушка была красивая, похожая на молодую певицу Сандру — такие же глаза Чебурашки. Не будь у неё//// жмсюмпжкшлнж жэвднейё — с йгмь аш й лдж ашй ммкланж зкрднгр. \\\

....

>>> Часть 37 текст 3. На «Ниве» на дачу,, продаю абрикосы,, дед пропадает,, пензяки на Фрунзе,, Джонни Депп и отцовские ценности и ненависть к энгельским ярморочникам.

.....

С этой части лета мне помнятся неоднократные поездки на дачу уже не на дедовой машине с ним, а на «Ниве» — и без него. Тогда начались его уходы, что он уже даже не ночевал на Фрунзе.

Один раз, когда он в очередной раз уходил, я вышел из двора вместе с ним. Он был в своей шляпе с широкими полями и в сиреневой дедовской куртке. Я спросил, куда он держит путь, и он, улыбаясь, махнул в сторону своего Учхоза. По началу он уходил пешком, а осенью заберёт и машину. Про его тётку я считал, что это там просто коварная женщина, которая как-то переманила мягко-характерного деда. Я не предполагал там никаких романтических отношений. С шестидесятилетним ковыляющим дедом — а уж тем более таким — у меня романтические картины вообще не вязались.

На даче наша «Нива» стояла там же, где всегда ставил машину дед — между грушей и мышиным домиком с колодцем в Америку. За вторую половину лета, выполняя роль водителя, носильщика тяжёлых вёдер и мучаясь от всей этой дачнической темы, на даче не раз бывал отец. Но половину

времени дед всё же ещё был на Фрунзе.

В конце июля везде созрели абрикосы. У нас на Фрунзе дерева не было, но было у соседей — с другой стороны квартала, у которых дом смотрит на шумную Полиграфическую, ЛЭП, раковую больницу и морг. Их дерево нависало сзади над дедовской мастерской (в которую дед уже и не заходил, кстати), и я всё детство по куче навоза у сортира туда залазил и сидел, ел там эти абрикосы, смотря на запад и дофамина по будущему, а потом дрисстал.//// Йндязкия ля юанжйлпят ашйя мцвлы ннтмёэ мэ оёпызс амклз бгблхйё зе ллги вдп-пйлз ълхёиклндбжз. \\\

Про продажу абрикосов — это вот, наряду с тюльпанами на девятое мая, одно из воспоминаний, с которым есть познание, что было годом раньше. Но, для верности, пускай сейчас...

Я набрал их целое ведро, а также взял излишек ещё чего-то с дачи и пошёл на Телеграфную, где, не доходя десятой школы, на углу перекрёстка бабки там продавали урожай со своих огородов. Я привстал туда к ним. Все меня там, конечно, сразу: «Молодец», «какой взрослый». С абрикосами я стоял подольше, чем с тюльпанами. Под конец уже было чувство, что не купят, но в итоге снова кто-то купил сразу всё.

Существовала какая-то родня, относящаяся одновремен-

но и к бабКлаве, и к тётЬЛюсе, и, вроде, даже как-то к деду, который теперь пропал. Какое-то семейство, жившее в Пензе. Мама периодически рассказывала о своих поездках к ним в гости во времена до меня — про их быт с походами в лес и собиранием грибов, про их квартиры в каких-то необычных домах, где был деревянный пол и мусорная труба через кухню. Отец ненавидел это всё — он должен был быть в Сайгоне, или снимать кино, или плыть в океане как Фёдор Конюхов. У него теперь появлялись слова: «пензяки», «пензячество», «мордва» — нарицательные, почти синонимы тому, что он называл «кулугурами» и «кулугурством». Ну а для меня откуда-либо приезжие люди всегда были как из другого мира — я не представлял, что такое Пенза, как выглядят другие города, кроме Анапы, где я был.

И вот в первых днях августа они приехали на машине. Человека четыре — отец, сын возрастом около восемнадцати, ну и, наверное, пара тёток, либо тётка плюс ещё какой-нибудь сын. Наверное, я их видел за жизнь два раза, и первый был летом девяносто восьмого — когда я на Фрунзе, как дебил, боднул стену дома палкой, как рогом, и у нас потом было застолье во дворе до ночи.

У пензяков там не было никакой Волги, и для них приехать к нам было как на курорт — в их программе было съездить искупаться. Мы все заночевали на Фрунзе. Они спали

на полу в зале на одеялах, мама — в маленькой, а я — с баб-Клавой на кровати в средней комнате, как всегда. Была жара, все комнаты забиты людьми, и кто-то постоянно шёл ссать. На следующий день ещё пришёл Валера, и был мой отец на «Ниве», и мы все — на двух машинах, кто с кем — поехали на нашу дачу. Деда не было. На даче наша машина стояла где обычно, а их — где-то дальше, на краю узкого дачного проезда.

Потом мы все вернулись на Фрунзу и, то ли в этот день, то ли к вечеру следующего, мы — тоже на двух машинах — поехали на Голубое озеро. Было пасмурно, летний дождь, и мужики меня там, самого мелкого, подбрасывали в воду, а кто-то делал фотографии, и одна осталась — где я в воздухе. Второе августа это было.

А на следующий день, в конце их визита, было то, что эти пензяки и Валера приезжали и заходили к нам на Льву Кас-сию — тоже ближе к вечеру это было. Ну а потом они уехали. Через год или два, я упомяну это сразу, у них случилось то, что тот их взрослый сын, который был призывного возраста, после медкомиссии оказался на операционном столе по генитальной теме — что-то по урологии — и он умер на операции: хирург задел артерию или что-то такое. Это совпадёт как раз с временем, когда у меня там и другие анатомическо-хирургические представления возникнут, и все они

снова и снова связаны с гениталиумом. Всё это такое у меня откладывалось и влияло.

Потом были снова дни Неспешных, походов на бетонный спуск, купания и сбора бутылок по ходу.

Я увлёкся пересмотром фильма «Шоколад» раз за разом. С одной стороны — унылый сэттинг: для меня старая Европа (и я, кстати, не знал, что это — и есть Европа) была такой же унылостью, как наши постсоветские пейзажи хрущёвок и деревянных старых домов. Такое ассоциировалось с поствоенщиной, с временами без полиэтиленовых пакетов и зубных паст, с атмосферой фильма «Вор», ну и прочей серой хреню. А ещё в фильме была тема религиозных глупостей.

Но, с другой стороны, тут был оригинальный сюжет, с множеством персонажей, как я люблю. Самый любимый у нас с мамой был граф. И ещё — Серж: то, как он скривился в церкви, когда не смог правильно ответить. Комичные персонажи-лузеры, начиная с Джузэппэ в «Итальянцах», Пьера Ришара и ворчливого Луи де Фюнеса, всегда были нам симпатичны, особенно мне.

Но в те дни просматривания этого фильма по кругу я сконцентрировался на противоположном — супермачо Джонни Деппе. Он был тёмно- и длинноволосый, в солнцезащитных очках, в кожаной куртке, играл на гитаре, супер-

самоуверенный и спокойный. Он был там капитаном речных цыган на лодках. Главные героини в него влюбились сразу.

За пару дней до этого мы, видимо, снова в квартире часто слушали музыку — и теперь особенно фламенко Армика — и отец выдавал много речей на тему того, какая это «сила» — быть гитаристом, быть вольным художником, путешественником... Носить настоящую мужскую одежду, типа вот такой куртки... Быть спокойным, интеллигентным, жить какой-то высокой просоциальной идеей... Все вот эти качества, зеркальные тому, что нас окружало в Энгельсе, особенно когда мы вечером втроём шли по набережной. Там повсюду было быдло (так, особенно, их воспринимал отец) — мужики-торгаши, днём торговавшие искусственным китайским барахлом на ярмарке, а вечером, вперемешку с вырастающей в таких же, как они, молодёжью, вышедшие к Волге бухать с отвисшими животами, открытыми волосатыми ногами и в сланцах на босую ногу. А если эти блатные мужики начинали ещё и петь в караоке в кафе — то это всё.

И вот, когда один раз вечером отец вернулся домой со своей правильной работы, и я включил ему сцену с этим Джонни Деппом с гитарой — он аж пальцем показал: «Во, во! Вот о чём я говорил!». Меня это всё пропитывало, ну и за счёт той сцены и подобных у меня и без отца выстраивался стереотип, что такое привлекает женщин, и к этому надо стремиться. Но гитару я пока в жизни не трогал, хоть и она стояла у нас в зале всегда, прислонённая к двум, одна на другой,

большим колонкам «Амфитон» отца.

В фильме был ещё идеальный саундтрек — там были волшебные мелодии на флейте со струнным оркестром. Это ещё больше формировало мои вкусы, чем всякие гитары. Ну и эта музыка и была на самом деле основным, почему я сидел пересматривал фильм, хоть и я тогда не понимал.

И был в фильме ещё невротик-пацан с невротичной мамкой, у которого тоже текла носом кровь, который рисовал смерть, ну и прочие похожести на меня.

....

>>> Часть 37 текст 4. Книга Призраки Ночи и вампириши,, с бабВалей к неговорящей сестре Ане,, на даче тётя Марина и Алина,, к какой-то тёте Свете родственнице.

.....

Не могу вспомнить конкретных поездок к бабеВале тем летом. Они, конечно же, были. Но помню один конкретный момент перед поездкой. Это было ближе к вечеру. Солнце, пекло... Мы шли с мамой со стороны ярмарки через площадь, чтоб передать меня отцу, с которым уеду в Саратов. И в начале площади, у ярмарки, где Ленин, там барахольщики торговали более-менее солидными вещами, и у кого-то были недорогие книжки — и там была чёрная книга «Призраки

ночи». Это был сборник страшных мифов — начиная с Беовульфа на первой странице, кончая экзотическими японскими, — а на каждой странице, или на целый разворот, была иллюстрация — классическая картина по соответствующей истории. Это была идеальная книга, мы её сразу купили.

Ненавидев читать, мне снова было тяжело пробираться через текст. Я путался в именах. В Беовульфе, например, я не мог никак запомнить, «Беовульф» — это сам монстр или победивший его герой. Точнее, в этом случае тут даже не ненависть к чтению, а вот как раз та проблема отсутствия визуализации, про которую я говорил в эпизоде с куколкой в аквариуме. В смысле — иллюстрации там были, но не было подписано, кто есть кто. И поэтому, даже если я понимал из текста, то я всё равно на всю жизнь (ну, до момента, когда во взрослости перечитал) воспринял и запомнил, что Беовульф — это сам монстр. Там же слово «вульф». Очень часто вот мне было всё равно на теорию предмета — мои знания формировались либо фактами из практического занятия или взаимодействия с предметом, либо моими ассоциациями.

Другая история была про какую-то вампиршу, и там была картина с её босой ногой.//// С йгмь оёёгвф япсэаяи, э б рдзпсв сэк вче ияз пёё ющкл онм пм, хсл, ммйэ нкю юйтд-вваюю, с кге хсл-сл «еадкгкл мэ клвьдият». Э кг еляи, фрн рязмд йнбщёзж, лн ятым ммьмрмл, фрн ысл сэк, бгв млбз — ё лвлю а ёрнаг ёёлрхзаяюкл сл, фрн ыслкт ряз юялн сгвйдкм

ялзийюмёг о ьнмсёхдоизй тйщримл. Ю а пг кгтвйз сёв онэл
ашцвөөэй я рйщри оллюпжю «ьнмсёия». Э онж ьрнй, ижцкм
бйю кдкэ, лнаж-пм оаюеюмш р ньпияйж, ю мщсзж — р мск-
эсёгл кдкэ р плвзпгквз, лт ж ямс ысл бод... Ысл ашйя лд
имёбя, я ктфгмёг. Ммэ мв зкрднгрлаяию, ю йсцёйя. Ашйн
мшрчдкжд, цпм омрпюбёрдиж, ю пмцкгд рд, йпм змвбю-пм
мозбслэй ьрз кзсщ, нпък еляйж л сэизт улязьу ё мэкднгмкм
подмюкё мвобш. Ъ нювпэхзяюкоэ, ю ёу — бод юмкщцд. Олй-
тамкшу яюлмжпх, япюзжф малйьорзпгкщлзу. Ом япдт рпм-
плл — б имёбд, б рдигбёённг, а мюпзг мм ягцвояй. Ягжбг
ющкё ёвлшэль (ю жф рнавя анонпёлзйюк едкчзкюлё) я йлон-
пизт эюият, о нпишрьйж джблряйж ё млбйяж югж арьизт
млпйла. Э оюл арвбгэ ашй я млпйэу кю рйзуг. Арь мэця пдй-
тью яьию я млпйэу, ж, кмв йёёяимрщ, р мэп я рвкыв доры анп
ьпм ляшвг: хтяпсям рэжяжллсё, впкё авё кмрзмб. Тьёбёк-
норз нднгг ньпияйж, гриж онплпзпъ йгмь. Зюй ж лрйнщсшз
джблр. С йюлш нпишрнам джблря рндг кжйлбгэ мв ашйн.
Мэ рэкнй гвйд, йллдфлн ед, нпгх ж йюлэ нбгбэйз лноиз, олр-
нйс фрн с кжф яьйж ёётнмглаяклъв внжазмл (зиж эазпюлёл-
немл) млбсё. Оиннгд арвбн, зе-жэ ьпмвл нпгх ж кгмэазбгк
ктджйла юмрёинй б пкэлхэу — нк жэазбмбэй ёк, хсл т лэт
сэк япе ёглонямд, я с кгвл — адфлъв онмаиглш р лнарюйж
ё йледж. Йюлэ вланнжкэ, фрн ысл нк дг жэояежк бпёйялк.
Кмв йэедппю, ьпм ймвим ющсщ яяжсэкзкмжлк, с йюлш, мм
зояжлдж лвод, мл слбгэ ю аднжк ги, цпм аозюмй, з ннърнйс
юодебняюк жлё з лззмвбю кг моззюрэйрь й жф ннимсвлхэк.

Дцд зюйёг йжуш ашйз а ързт «Мозеоязюф лнфж»... Яъиж
вче пнюйяелзпгкщлзущ... Яъию злюажмь-нюмплрдкъ, ин-
пмплз кмцщъ лрпрязиж июор, э тпонй т лдг мв ашйн отзж.
Ю ьнкпйлг ющкл онм пм, ияз ввзч — ь слбгэ бмгпящд сж-
кюк пклан «ввзчѐ» — йѐлтиж я юйс ом екдькз ж мхеиюлѐ,
пол яъию зюпжмэ р лзйж я ьпми элв, япд а аюгэу. Лт, оѐѐ-
гвф, иннмцв. Япе вдппсям ь млпзи фимофюсшг, лн мапэ-
вѐаяычзв оиюбзж, ж йми утж онгбнюшѐйр б даэльж бкжж
яякюм. \\\

С бабВалей мы заходили к Ларисе, там была Аня — уже
узнающая меня и бегаящая по квартире. Но она ничего не
произносила ртом, даже слова «мама». Я, хоть и не зная, мо-
жет, она не разговаривает только при гостях, по чуть-чуть
стал этим пользоваться в том плане, что я тоже делал ей ро-
жи и пугал — не расскажет же. Но тут, хоть и в корне, ко-
нечно же, садохизм, была больше та же тема, как и с Мур-
кой. Аня была недоверчивая, с ней было невозможно ни о
чѐм договориться. Она явно понимала, что ей говоришь или
доносишь, потому что несколько мгновений велась на твою
инициативу, но потом она резко убегала и лишала тебя всего
ѐѐ доверия. Я не мог этого выносить.

На даче к бабВале, всё так же, как с моего раннего дет-
ства, приходили издалека всякие Таи и Зинаиды, но теперь

манифестировали связи и с ближними соседями. Через проезд была Марина — женщина лет тридцати шести — и у неё была молодая дочь уже почти взрослого возраста, которую я не видел или не помню. Скорее всего, там была ещё третья, совсем взрослая женщина — мать этой Марины — и вот с ней бабВаля и общалась главным образом, потому что Марина мне воспринималась как младшая на том участке, как неформальная знакомая. Эта Марина была с крашеными в красный волосами, и она была врач. Она будет в моей истории через несколько лет. И будет ещё в следующем году.

Все они заходили к нам в гости, а также туда к нам приезжали на машине Иван с Ларисой и Аней. Там был и мой отец, и мы делали шашлыки из курицы. Я не помню никаких настоящих шашлыков в нашей семье, настоящие из мяса были только от дяди Серёжи через маму, остатки, изредка. Вообще, несколько раз за жизнь на бабВалиной даче была и мама — наверное, и в то лето.

В основном мы тут были с бабВалей, жили с ночёвками по два-три дня. У неё был чёрный, так называемый, бумбокс — музыкальный центр с закруглёнными краями — она его привозила летом на дачу, и поэтому тут вечно играло радио, всякие исполнители тех лет типа Земфиры. Из всех наших исполнителей я всегда выделял группу Сплин.

По привычке я и тут продолжал ловить ящериц, но больше я сейчас увлёкся метанием ножа в доску. Тут у меня по-

лучалось, точнее — мне везло — намного чаще. И, главное, тут было перед кем щеголять. На соседнем участке сбоку, который от нашего отделяла простая сетка рабица, там с бабушкой и другими бывала девочка моего возраста по имени Алина — опять. БабВаля знала их, и вскоре эта Алина стала ко мне приходить. Мы вместе кидали нож. Тёмно-волосая, вроде кудрявая, и она была не сильно, но дворовой и мальчишеской. Из тех, которые не прочь поиграть в футбол, ну и просто в другие активные игры. С ней я хорошо поладил и, конечно же, ждал, чтоб она к нам заходила. Сам я к ней не ходил. Вроде ловили с ней ящериц, а ещё там была какая-то тема, что мы уже планировали искупаться в нашей железной ёмкости для воды, которая была в форме куба — такие были на многих дачах. Но до этого не дошло. Когда она была на улице и могла меня видеть, я не только щеголял с ножом, но и мог помогать бабВале в грядках. В остальное время я ненавидел помогать — никогда не предлагал в жизни никому помогать на обоих дачах, кроме сбора ягод, который умиротворял и содержал элементы азарта и накопительства. Всякое копанье, всякое ношение воды — это я не выносил. Такое можно только ради девочек.

Ещё с бабВалей мы ездили в район, в котором она с отцом и Ларисой и жила изначально — в их родовой дом, в гости. Это было в частном секторе за саратовским вокзалом и в сторону района Первая Дачная, там, где частные дома

огибают гору. Там жила тётя Света, которая, как я когда-то рассказывал, приходится какой-то родственницей по бабВалиной линии, у неё тоже наша фамилия, и от которой в моём допамятном детстве, по рассказам мамы, я ревел, когда она была рядом. Кстати, помните ту маму моего дяди Вани, от которой я, как и от тёти Светы, в младенчестве ревел и которая жила на Киселёва, в том старом доме, где у меня была истерика с воздушным шариком, и я ревел? У этой тёти Светы, моя мама рассказывает, в те молодые годы был парень (его потом застрелили), и он жил прям в том же доме.

Там, куда бы приехали с бабой Валею к этой Свете, был снова вонючий, гнилой частный дом, может, даже половина. Сени, тот сладкий запах, ну и всё в этом духе. Света была с крашеными светлыми волосами и вся громоздкая. Какая-то она была без мужика, и, может быть, у неё уже тогда была какая-то дочь. Может, мы поэтому и ездили к ней — чтоб бабВаля с ней посидела, пока Светы нет.

БабВаля в то время начала вообще, в принципе, брать разные подработки по сарафанному радио — в основном, связанные с уборкой или организацией всяких семейных торжеств. Иногда, когда я у неё гостил, она говорила, что ей нужно куда-то поехать кому-то помочь. А мама позже объясняла, что бабВаля пыталась всё ухаживать за старыми бабками, пыталась подлизнуться, чтобы ей что-то завещали. Но ничего ей никто не завещал. Была она всегда грустная и позже при мне часто сетовала, как она много всем сделала

добра, а ей взамен — ни фиги. И ещё мама позже говорила, что она типа мыла трупов таких бабок, готовила к похоронам.

∴

___ Часть 38.

∴∴

>>> Часть 38 текст 1. На юг втроём с тётёй Катей,, книги и взрослщина по пути,,, «нктсм» — некомфортные темы с мамой и психология этого,, простота и доступность нужного мне,, на каменном пляже.

∴∴∴

Ну вот и остаются два последних главных события августа. Первое — это будет поездка на море, в течение которой я узнал о сексе.

Не помню, как это началось, но мама объединилась с той тётёй Катей, секретаршей дяди Серёжи, и мы собрались ехать втроём — она и я с мамой. Тётё Катя казалась взрослой, и я, наверное, даже называл её на «вы». Но ей было лет двадцать шесть или даже меньше.

Это, как и в прошлый мой юг, началось, скорее всего,

поздно вечером. Отец нас довёз, на вокзале встретились с тётёй Катей, засели в поезд и отчалили. Я уже не плакал, что отец остаётся.

Я взял с собой свою горизонтальную сумку, всё туда в неё сложил, книжку по Дяде Фёдору, подаренную на Новый год, ну и всякое. Тётёй Катя тоже была с книжкой — её была почти из тех, которые презирал отец, только не роман, а детектив. Какая-то Донцова. Маленькие книжки этой авторши были повсюду и особенно в ларьках, на вокзалах — их покупали в дорогу. Тётёй Катя была стройная, с недлинными светлыми волосами, в очках, скромная, тише моей мамы. Мама в этой поездке была главной инициаторшей.

Ехать было снова двое ночей. Мы ехали в плацкартном вагоне, но в купешном отсеке.

Ночью во время сна я упал со своей второй полки прямо на стол, и я ударился голенью о край, но почему-то не было сильной боли и никаких слёз и стыда. Я потом дальше уснул.

На следующий день, стоя на столе, я высовывал голову из окна, задыхаясь от ветра, как в машине дядёй Серёжи.

Потом снова — Родина-мать. В поезде сновали все эти продавцы пирожков-беляшей, воблы... А ещё в то лето стала распространяться в продаже лапша быстрого приготовления — «Анаком». Как и со всякой вермишелью, я не мог на неё даже смотреть, когда её кто-то ел. Но на тот день меня воротило просто из-за воспоминаний о вермишели из детства, а

вот на возвращении домой примешается ещё другое.

У людей было радио, играли все хиты уже пройденных девяностых и новые. Забирай меня скорей, увози за сто морей... Целуй меня везде...

Тётя Катя не стала дочитывать свою книгу и отдала её мне. Я начал читать... Кто-то кого-то убил, в какой-то деревне. И вдруг там в диалоге было слово: «уёбыш».

В гимназии одноклассники, кстати, всё ещё не употребляли жёсткого мата — слова «ёбанный», «блять» были очень редкими, они могли бы быть только в самые негативно-эмоциональные моменты, а их в нашем классе и не было. А в других коллективах, кроме той несколько-дневной детской площадки, я в последний год не был. В общем, я не ожидал встретить явно матерное «уёбыш» в магазинной книжке, и я показал его тётя Кате. Она сначала не поверила, а потом, когда увидела, пожала плечами — мол, ну, значит, так.

А потом у меня с ней в поезде была какая-то беседа — она поясняла, как что-то делать, и закончила инструкцию фразой: «...и кайфуешь». Я уже знал это слово, и оно, как и обычное слово «удовольствие», как тема удовольствия в принципе, было из тех, которые я избегал при родителях — особенно с мамой, а с остальными — из-за паранойи, что от них об этом узнает мама.

Это — одна из самых главных тем во всей моей биографии, и я ей, вроде бы, ещё не уделял внимания, но с этих

времён начнётся. Моё табу на обсуждение темы удовольствия с мамой относится к общей категории табуированных тем, которая у меня в дневниках называется аббревиатурой «нктсм» — «не комфортные темы с мамой». В этой категории — тема смерти, боли, ну и совсем скоро прибавятся де-вушки и секс, то есть тема «ямаий тупик».

А конкретно табу на тему удовольствия лучше всего разъяснено в дневнике двадцать первого марта двадцать второго года. Максимально вкратце — это про то, что мама была несчастная, депрессивная после её ненормального детства с матерью-садохисткой, у неё не было личной жизни, она была вся во мне и никогда не демонстрировала никаких вообще своих удовольствий. С ней эта тема вообще никак не вязалась, и я поэтому не видел никакой адекватности в том, чтобы я вдруг начал «кайфовать» и иметь какие-то удовольствия или даже проявлять к ним интерес. Поэтому, когда при маме такие темы были в телевизоре или когда это упомянула тётя Катя, я всегда делал вид, что мне не интересно. Эта моя психология была со мной уже с самого раннего детства, но особенно сильно она начнётся уже совсем скоро, когда я начну хуёвить в образовании и моих перспективах — вкупе с другими факторами — из-за чего мама будет становиться всё более депрессивной, а я, в свою очередь, начну знать и////унигсщ рвирэ\\\\, с которым — не у меня, но у других людей, и в этом плане в том числе и у моей мамы — связано понятие «удовольствия».

Это очень сложная тема, потому что там очень густой замес контroversирующих вещей, и я не знаю, смогу ли я через своё повествование всё это передать. Например, то, что я стремился выглядеть счастливым, когда с мамой — но именно по-детски счастливым, а не по-взрослому. Детское счастье — будучи в удовлетворении от близости с близким человеком, а взрослое — от близости с чужим.

Мы приехали в Анапу, и в этот раз мы приехали в центр города. Мы оказались в глубине улицы Астраханская — это которая прямая и ведёт к входу во весь этот прогулочный парк, и потом к берегу со всеми ресторанами. А также эта улица идёт параллельно другому берегу — тому, который с камнями. Мы там прошли пару домов — это, в смысле, обычные, как и в прошлый юг, частные дома, где хозяева сдают комнаты приехавшим.

Я вообще не представляю, как приезжающие люди, типа моей мамы в эту поездку, всё это организовывали — ведь не было никакого интернета и никаких сайтов объявлений. Реально — «дикарями».

Мы где-то ели мороженое на тех зелёных улицах, там ещё было дерево мимозы. Мама показывала, и её листок и впрямь как-то сворачивался, оправдывая нарицательное, с которым я был уже знаком. Конечно же я был с ним знаком.

Ну а потом, где-нибудь на улице Тургенева, недалеко от

пересечения с Астраханской, мы заселились в какой-то частный дом, в отдельную комнату, на тёмную сторону, с тремя кроватями. Душ и сортир, вроде бы, были в доме. Мы разложились и пошли сразу на море.

Мы пошли на каменный берег, где я ещё не был. Обошли старое кладбище с южной стороны и вышли на высокий берег, как обрыв. Я сразу пошёл к каким-то кустам — и сразу увидел там маленького богомола. А через секунды — уже ящериц. Там, в отличие от Энгельса, всё это зооизобилие было также близко, доступно и элементарно, как то, что мне нужно, чтобы у меня было в прошлом — насыщенная социализацией и половыми отношениями молодость, всякие молодёжные вечеринки, первые влюблённые уединения в комнатах, переполнение давно мечтавшимися чувствами — близко и элементарно для других людей, в отличие от меня, сидящего и печатающего это всё сейчас, как в тюрьме, и всегда так сидевшего.

В Энгельсе, за исключением дач и диких мест, не было нихера — никаких богомолов, ящериц. А тут, на юге, даже в городе — чуть в сторону отошёл, и сразу — всё.

Жизнь там бурлила, конечно, и человеческая. Купаться на камнях было мучением, мы больше сидели на берегу и привыкали к югу. Слева, вдаль по берегу, была гора, и мама говорила, там какой-то дельфинарий. Дельфины, кажется, должны были плавать и в море, но мы ни разу их не виде-

ли — по крайней мере, близко — точно. Я подходил к подножию обрыва, и там прямо по вертикальному склону бежали ящерицы. Они были другие — серебристого цвета и более скоростные, чем наши. А с обрыва текла вода — как будто какой-то ручей притекал к этому склону, но мама сказала — да я и сам уже понял — что не стоит там мочиться: наверху же было кладбище.

Ну а потом мы пошли домой на перерыв перед вечерней программой.

....

>>> Часть 38 текст 2. Вечерняя жизнь Анапы,, парк,, кафе,, журнал про//// жмпжл,, рёмэ л рвирв,, глтяйжмкую тьякрежю м ммкланж ёёёме\\\\,, но не целиком,, мелочные эпизоды юга.

.....

Вечером в Анапе начиналось то же, что и в Энгельсе, только — как из-за незнакомости места казалось — в несколько раз больше и цивилизованнее. Мы выходили к гуляниям по Астраханской и дальше — по косой аллее к морю. Там была куча кафе, и везде музыка. Людей — толпы, легко потеряться, а телефонов же нет.

Плотно мы чаще питались дома — вроде бы там можно было готовить — но несколько раз мы заходили вечером и в кафе-ресторан. Там, в парке, есть какое-то здание по адре-

су Набережная улица, дом двадцать два — вот от него, чуть дальше от моря, было кафе под навесом. Оно было цивилизованное — в смысле не пластиковые столы и стулья.

Я уже бывал в кафе за жизнь раз десять, и это, конечно, особенное ощущение, когда сидишь как барин, а потом тебе официант подносит блюда и ещё любезничает. Со всех сторон была то музыка, то звуки веселья и аттракционов, а сбоку шли толпы людей. Есть фотография — я с мамой там за столом, тётя Катя сделала. У мамы лицо, как будто ей приспичило в туалет — мы потом дома ржали, когда увидели. Фотоаппараты были плёночные, их нужно было проявлять в специальных ателье, чтоб распечатать.

Чуть дальше по набережной, в сторону песчаного пляжа, был аквапарк под открытым небом, и мы каждый второй день подходили смотреть, как там люди катились по длинным горкам и визжали. Мы сами туда не сходили.

На следующий день с утра мы пошли завтракать в кафе по адресу Астраханская, дом один. Картошка фри с кетчупом.

Блядь, как мне хочется бросить писать это всё и пойти закончить всё. Я, блять, так хочу, сука, быть молодым и там быть в постели с любимой ровесницей. Хочу реветь, а слёз нет. Никакой разрядки нет. Ёбаное, блядь, моё автобиографское расстройство. Не представляю, кто бы ещё терпел такие мучения ради того, чтобы дописать какую-то, блять, ис-

торию.

Пишу, реально скрипя зубами.

Потом мы пошли на песчаный пляж, который там, многокилометровый, начинался от парка.

Я уже в первые же дни решил, что перед уездом поймаю и увезу в ведре домой каких-то ящериц, и больше я не помню за собой пропадания в дюнах с натуралисткой одержимостью. У меня уже не было интереса к рептилиям как таковым — только какой-то инстинкт ловца, как у кошек, которые не могут не погнаться за живностью. Да и эта херня тоже угасала. Я больше проводил на человеческой части пляжа. И целуй меня везде, восемнадцать мне уже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.